

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ДЖУНГЛИ

ИЛИ
ВСЕ МЫ
ГРЕШНЫЕ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Все мы грешные

«ЭКСМО»

2000

Колычев В. Г.

Все мы грешные / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2000 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Вор Хмурый живет по законам джунглей – сильнейший выживает и получает все. Шагая по горам трупов, он добился больших денег и власти. Но закон джунглей неумолим: молодой хищник начинает охоту за старым. Хмурый чувствует: смерть ходит совсем рядом. Матерый хищник готов помериться с ней силами... Роман издавался под названием «Молодые волки».

© Колычев В. Г., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	6
Глава 1	6
1	6
2	19
Глава 2	22
1	22
2	23
3	26
Глава 3	28
1	28
Глава 4	34
1	34
2	38
3	43
4	49
Глава 5	54
1	54
2	58
3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владимир Колычев

Все мы грешные

Предисловие

Весна, 1998 год

- Антон Гавров, он же Хмурый. Вы знаете такого?
- Вор в законе, имеет здесь, в столице, большой вес. В данное время в основном занимается легальным бизнесом.
- Все верно, основную ставку Хмурый делает на легальный бизнес. Но это вовсе не значит, что у него все в порядке с законом. В общем, поступила команда на его ликвидацию. – Мужчина в сером костюме сказал об этом как о чем-то обыденном.
- Если появилась такая необходимость, я готов приступить к исполнению, – так же спокойно ответил его помощник.
- Подступиться к Гаврову непросто, совсем непросто. Его голову оценили в пятьдесят тысяч. С деньгами у нас сейчас проблем нет. Поступил ежеквартальный взнос от «АГ-инвест-банка».
- От госпожи Аганиной?
- Именно. Анастасия Аганина продолжает дело своего покойного мужа. Господин Аганин, как вы знаете, регулярно делал перечисления на наш счет.
- Пятьдесят тысяч долларов – это хорошие деньги. Но, кажется, у нас есть возможность ликвидировать Хмурого без всяких затрат.
- Это интересно. И каким же образом?
- Денис Золотов считается ликвидатором номер один. Профессионал высшего класса.
- И он согласится работать даром?
- Думаю, да. Дело в том, что он собирается выйти из игры. Так вот, пусть ликвидация Хмурого станет его отступным.
- Хорошо, пусть будет так, – немного подумав, согласился мужчина. – Если Золотов ликвидирует Хмурого, мы отпустим его. Но оставаться в России после этого он не должен.
- Ну, разумеется.
- Тогда я жду результата.

Часть 1

Глава 1 Настя. 1987 год

1

Утром Настя проснулась раньше всех. Встала, прибрала постель, прошла на кухню. Раз уж не спится, то почему бы не приготовить завтрак для всей семьи.

Они жили вчетвером: она, мама, брат и отчим.

Ее родной отец погиб в автокатастрофе четыре года назад. Для мамы это был такой удар, что сердце не выдержало. Ей нет еще и сорока, а уже инфаркт перенесла.

Два последних года они живут с Александром Макаровичем. Капитан милиции, опер-уполномоченный местного уголовного розыска. Не красавец, конечно, но и не урод. Когда-то пил по-черному, но завязал, говорит, закодировался.

* * *

На маме он женился через два месяца после их знакомства. Это похоже на любовь... Все трое с удовольствием сменили комнату в общежитии на двухкомнатную квартиру отчима. Еще бы! Насте и Денису отводилась на двоих отдельная комната.

Александр Макарович не обижал ни жену, ни ее детей. С Настей и Денисом старался держать себя как с родными. И это у него неплохо получалось. Денис называл его отцом. Только вот Настя почему-то упрячилась. Она обращалась к отчиму по имени-отчеству.

Александр Макарович был в меру строг, любил пространно рассуждать о высоких моральных принципах.

Но не искушенная еще жизнью Настя чутьем угадывала в нем нечто фальшивое, ненадежное, пугающее, а потому держалась с отчимом настороже.

Вот и вчера за ужином в присутствии мамы и брата он с пафосом разглагольствовал, обращаясь в основном к Насте, о роли нравственности, добропорядочности в жизни семьи и общества. А сам нет-нет да и поглаживал взглядом ее груди, бугрившиеся под ситцевым халатиком.

А может, ей все только мерещится? Может, в голове у него нет никаких дурных мыслей? Ведь не могла же мама в нем ошибиться, не могла полюбить плохого человека?

Мама пришла на кухню, когда завтрак был уже готов.

– Спасибо, дочка!

Мама сегодня выглядит очень неважно. Бледность, под глазами нездоровая синева.

– Плохо спала. Бессонница, – перехватила она тревожный взгляд дочери.

– А может, сердце?

– Да нет, не думаю...

В это время на кухне появился Александр Макарович. В спортивных штанах, майке. Умытый, гладко выбритый. Ну просто идеальный отец семейства.

– Вот оно, мое самое лучшее лекарство, – нежно улыбнулась ему мама. – Пока он со мной, за свое сердце я спокойна.

– Так что берегите меня, – отшутился отчим и подмигнул Насте. Он был сегодня в благодушном настроении. – Что у нас на завтрак?.. Ага! Яичница с колбасой! Отлично!

Нашел чем восхищаться. Подумаешь, яичница. Пусть даже и с колбасой.

Сердечная недостаточность – вещь опасная. С этим шутки плохи. И Елена Николаевна все прекрасно понимала. Поэтому при первых же признаках недомогания тут же спешила к своему врачу.

Так поступила она и сегодня.

Врач обследовал ее и назначил лечение. В стационаре недели две самое меньшее.

– Положение довольно серьезное. Как-никак у вас был инфаркт. Мы не должны допустить еще один.

– Я все понимаю, – невесело вздохнула Елена Николаевна.

Придется лечь в больницу. А как не хочется...

Настя возвратилась из школы, когда мама собиралась уходить. В руках она держала сумку с необходимыми для больницы принадлежностями.

– Ты куда?

– Да вот была у врача. Прописал постельный режим и лечение. Вообще-то ничего серьезного. Видишь, сама пришла, сама и уйду, без «Скорой помощи».

– Я тебя провожу, – огорчилась Настя.

Как не хотелось ей оставаться дома без мамы, самого дорогого на всем белом свете человека! И еще у нее появилось в последнее время смутное предчувствие надвигающейся беды.

У кровати Елены Николаевны она просидела до самого вечера. Угнетенная ее болезнью, совсем забыла об уроках на завтра.

Когда за окном стемнело, в палату вошел Александр Макарович. В руках букет цветов.

– Вот куда ты скрылась от меня, дорогая! – заулыбался он.

От него исходили волны добродушия. Он наклонился и поцеловал жену в щеку.

– Да ты не волнуйся, я здесь ненадолго.

– А я и не волнуюсь. Уже успел поговорить с врачом. Он считает, что оснований для тревоги никаких.

– Вот видишь. – Елена Николаевна поглядела на мужа влюбленными глазами.

– А пока мы поживем без тебя, дорогая. Правда, Настя, мы ведь справимся с хозяйством? – Он заботливо погладил девушку по спине.

– Справимся...

– Ты уж постарайся, дочка, похозяйничай вместо меня, поухаживай за отцом. Береги его. Без него нам всем будет очень трудно. – Елена Николаевна вдруг заплакала.

– Ну, не надо, мама, не надо, – забеспокоилась Настя. – Я стану сдувать с него каждую пылинку.

На следующее утро Настя встала так же рано. Стараясь не потревожить сон отчима и брата, она прибралась в квартире, приготовила завтрак.

Работа спорилась в ее руках. И ей захотелось, чтобы кто-нибудь ее похвалил.

И она услышала похвалу. Александр Макарович остался доволен и завтраком, и порядком в доме.

– Верно говорит мать – потакай мне во всем, – то ли в шутку, то ли всерьез сказал он, допивая кофе.

При этих словах он прошелся внимательным, напряженным взглядом по ее стройному девичьему телу. Как будто рукой провел.

Денис учился во вторую смену, а потому мог позволить себе поспать подольше. Настя оставила ему завтрак на столе, сама же отправилась в школу.

Неприятности ее миновали. Невыученные уроки не застряли двойками в дневнике. Более того, она заработала пятерку. А высокие оценки сейчас особенно важны – не за горами выпускные экзамены. Месяц май как-никак.

По пути домой Настю нагнал Герман, ее ровесник из параллельного класса.

Среднего роста, ладный с виду парень, и на лицо вроде ничего. Да только глаза у него хитрые, лисьи. Видно, что он себе на уме. И улыбка неприятная, какая-то даже гадкая. Вот уж кого она терпеть не могла.

Он догнал ее, поравнялся и некоторое время шагал молча. Настя шла одна, так что никто не мог помешать их разговору. А разговор назревал.

– Может, остановимся? – спросил вдруг Герман.

– Зачем? – сердито спросила она.

– Поговорить надо.

– Ну так говори.

Настя замедлила шаг, остановилась, вопросительно посмотрела на него. В ее глазах – полнейшее к нему равнодушие.

– Ты давно нравишься мне.

Этого и следовало ожидать. Очередной поклонник. Как они все ей надоели!

Мальчишки, эти хвастуны и грубияны, не интересовали ее ни раньше, ни сейчас. А ведь она уже не маленькая, еще месяц-два, и закончит школу. Видно, не созрела пока Настя для любви, для настоящей любви.

Зато сама она интересовала многих. Еще бы, таких, как она, поискать. Красивое, с крупными правильными чертами лицо. Полные чувственные губы и большие выразительные глаза. Длинная каштановая коса. Развитая грудь, тонкая талия, женственные бедра, длинные ноги. Косметика ей совсем не нужна, слишком коротких платьев не носит. Красота ее была скромной, не вызывающей. Однако она пользовалась ошеломляющим успехом у представителей противоположного пола.

– Ну и что? – Настя театрально вздохнула и закатила глаза.

Скорее бы отвязаться от этого Германа!

– Как ну и что! – Он искренне удивился.

Ну, конечно же, он наверняка считает себя неотразимым. Думал, она обалдеет от счастья, а тут натебе, облом. Насте стало смешно:

– Знаешь, Герман, я очень тороплюсь. Я побегу, ладно?

Все, пора ставить в этом разговоре точку.

– Но как же так! Я хотел...

– Ну не нравишься ты мне. Ты это хотел услышать?

Она повернулась к нему спиной. Не оборачиваясь, быстро зашагала прочь.

– Смотри, пожалеешь... – услышала она вслед.

* * *

В тот день домой с работы Александр Макарович вернулся раньше обычного. Не в шесть-семь часов, а в три. Настя встретила его приветливо. Она обещала маме быть примерной хозяйкой в доме, и она сдержит свое слово. Отчим останется доволен.

А он вопреки обыкновению был навеселе. От него слегка пахло коньяком.

Он разулся, надел тапочки, повесил в прихожей пиджак, снял галстук и прямым ходом направился в кухню. Настя последовала за ним.

Денис был в школе. Александр Макарович уселся на табурет и стал как-то странно поглядывать на нее.

В предчувствии чего-то ужасного непослушными руками она накрыла на стол.

– Там, в буфете, коньячок для гостей. Достань-ка.
– Зачем? – насторожилась она.
– Как зачем? Выпить хочу.
– Но вам же нельзя пить!
– А вот сегодня хочу и буду!
– У вас неприятности? – сообразила она. – На работе?
– Вот именно... – ухмыльнулся отчим. – Но не на работе... Моя неприятность – это твоя мать, крошка моя.

От этих слов Настя вздрогнула:

– Мама? Что с ней?

– С ней-то?.. Да ничего. С ней пока все в порядке... Ты спроси-ка лучше, что со мной...
Голос Александра Макаровича перешел на страдающие интонации. Он как-то раскис, стал похож на великовозрастного слюнтяя. Смотреть противно...

– Что с вами?

Он внушал Насте отвращение.

– Что с вами, что с вами... – передразнил он. – Доставай коньяк! Чего стоишь?

Непослушными руками она открыла буфет, достала непечатую бутылку.

– А бокалы?

Нашла она и бокалы, но на стол поставила только один.

– И себе поставь.

– Я не пью. Вы же это знаете... Вы всегда запрещали...

– А сегодня не запрещаю. Сегодня можно. Выпей со мной, крошка!

– Не буду! – Насте хотелось во всем ему перечить.

– Тогда просто посиди со мной за столом. Послушай отца. – Александр Макарович указал рукой на табурет возле себя.

Но Настя присела по другую сторону стола.

Отчим откупорил бутылку, доверху наполнил свой бокал и осушил его до дна. Через минуту повторил. За все это время не проронил ни звука. И не закусывал.

Молчала и Настя.

– Ты, дорогуша моя, такая же, как и твоя мать, – заплетающимся языком заговорил он.

Хмель, похоже, ударил ему в голову.

– При чем тут моя мать? – рассердилась Настя.

– А ты волчицей-то на меня не смотри! Не то пожалеешь...

– И что же вы мне можете сделать?

– Я-то? Я многое могу. Я, например, могу оставить тебя без матери. – Глаза Александра Макаровича пьяно блестели.

– Что?! Да что вы такое городите?

– Помолчи, дорогуша! Ты лучше слушай сюда... Я перед тобой сейчас, если хочешь знать, как на исповеди. Я, если хочешь знать, люблю твою мать. И она вроде бы меня любит. Все хорошо. Идиллия, казалось бы... Ан нет! Кое-чего не хватает... А знаешь чего?.. Любви мне не хватает. Той самой любви, от которой потом дети... Ты, дорогуша моя, хоть понимаешь, о чем я тебе тут толкую?

– Хватит! Я ничего не хочу больше слышать!

Настя встала, чтобы уйти. В глазах у нее стояли слезы.

– Э-э, нет! От меня так просто не уйдешь! – Отчим перегнулся через стол, поймал ее за руку и водворил на место. – Не уходи. У нас с тобой серьезный разговор. Очень серьезный. Так что останься. Добром прошу. Пока добром...

– Ну так говорите же... Только скорее. – Настя кипела от негодования.

– А я и говорю... Мне нужна женщина. Женщина, которую... Как бы это тебе понятнее сказать. Женщина, которую я мог бы положить под себя. – Александр Макарович похотливо облизнулся. – Поняла?.. Мне нужна самка. А твоя мать больна. Она не может исполнять супружеские обязанности. Но ведь я же мужчина!

– Зачем вы мне это говорите?

– А затем... Скажи, ты хочешь, чтобы я развелся с твоей матерью? Скажи, ты этого хочешь?

Он смотрел на нее в упор затуманившимися от коньяка и возбуждения глазами.

– Да, хочу! – Настя спокойно выдержала его взгляд.

– А ты подумала, что будет тогда с твоей матерью?.. Ведь не забывай, она больна. Seriously больна. Любое потрясение для нее – смерть!.. Скажи, ты хочешь, чтобы твоя мать умерла?

– Нет... Не хочу.

Больше всего она хотела сейчас съездить кое-кому по морде!

– А хочешь, я уйду от вас, от твоей матери?

– Не хочу... Оставь меня в покое, подонок! – Взгляд ее метал молнии.

– А вот этого я тебе, крошка, обещать не могу, – глумливо усмехнулся отчим. – Ты-то мне как раз и нужна. Взамен твоей матери. Ты уже достаточно взрослая, уже можешь ублажить меня... Раздевайся, крошка, раздвигай ноги!

– Что?! – взбесилась Настя. – Да я тебя...

– Тихо, девочка, успокойся, – взгляд отчима был безумным. – Через три часа у меня поезд, уезжаю в командировку. На целую неделю.

– Какая приятная новость!

– Радоваться станешь потом. Слушай сюда, я скоро уеду, но до этого все будет так, как я хочу! Если не ляжешь под меня, твоя мать умрет!

Настя затаила дыхание. Если она не покорится этому подонку, он бросит маму. И та умрет от горя. Какая страшная логика!

Девушка обмякла, съежилась. Ярость куда-то улетучилась. Взгляд погас. Неужели нет никакого выхода?!

А может, выход все же есть?

Сейчас она убежит от этого подонка к маме. Расскажет ей все, как было. Медленно, не торопясь, не сгущая краски. Когда мама поймет, какой мерзавец ее муж, она сама откажется от него...

– А я пойду за тобой. И скажу, что ты сама совратила меня. Потаскушка малолетняя! Ты со-вра-ти-ла меня, мужа твоей матери, – впившись в нее тяжелым взглядом, растягивая слова на слоги, проговорил негодяй. – Она поверит мне больше, чем тебе... Так что иди к своей мамочке, шлюшенька ясноглазая!

Он что, мысли умеет читать?

И неужели этому ублюдку мама поверит больше, чем ей? Насте стало совсем страшно.

А если взять нож и вогнать его в толстое брюхо этому подлецу?.. Нет, тогда мама точно не переживет...

Что же делать... что делать?

Александр Макарович опять плеснул в бокал коньяку, выпил.

«Мразь! А ведь таким образцовым прикидывался! Оборотень!»

И тут ей в голову пришла спасительная мысль. У нее есть выход. Эта скотина отправляется в командировку. Что ж, это возможность спутать все его карты. Ведь в командировке мало ли что может с ним случиться... Вдруг он не вернется домой? Тогда все ее проблемы исчезнут сами собой.

– Ладно, ваша взяла, – притворно вздохнула Настя.

– Ну, тогда иди ко мне, крошка! – Голос отчима дрожал от нетерпения.

Он, похоже, совсем лишился рассудка. Животное!

– Что, прямо здесь, на кухне? – удивилась девушка.

– А почему бы и нет? – Он сделал попытку подняться.

– Если честно, то вы уже давно нравитесь мне как мужчина, – начала она входить в роль. – Только я представляла себе все по-другому.

– Я всегда знал, что в душе ты шлюха. Ну и как ты себе это представляла? – Негодяй не устоял и снова плюхнулся на табуретку.

– Я принимаю душ, ложусь голая в кровать под одеяло, и тогда уж можете приходить. И не называйте меня шлюхой.

– Ну ладно, ладно, отправляйся в душ, да побыстрее. Жди меня в своей кроватке, я скоро буду. – Рука отчима опять потянулась к бутылке.

Настя пулей выскочила из кухни. Если этот идиот совсем рехнулся, то следует воспользоваться моментом.

Очутившись в своей комнате, она мигом скинула с себя домашний халатик, надела блузку, джинсы. Еще мгновение, и она уже в прихожей, впрыгнула в свои туфли. Быстро и тихо отперла дверь. Но прежде чем убежать из этого дома, Настя решила уязвить подонка-отчима.

– Я готова, – с победной усмешкой сказала она, показавшись в дверях кухни.

– Не понял. – От неожиданности у него отвисла челюсть.

Он смотрел на нее растерянно.

– А что тут непонятно? Я ухожу, прогуляюсь немного. Вернусь, когда вы уедете. Да вы не волнуйтесь, наш договор остается в силе.

– Тогда почему ты уходишь?

– Так надо. Я не могу так быстро. Мне нужно привыкнуть к мысли, что вы станете моим первым мужчиной. Ну все, до встречи!

Она повернулась к отчиму спиной и быстрым шагом направилась к выходу из дома.

– Ладно, пока гуляй, – услышала она вслед. – Но только смотри, не вздумай теряться. Не забывай о матери.

* * *

Настя шла по улице, сама не своя от тяжелых мыслей.

Она рискует стать сожительницей своего отчима! И в дурном сне такое не приснится. И все потому, что мать больна, очень больна. А ради нее Настя пойдет на все. Лишь бы мать была жива.

Раз так, она пожертвует собой, переспит с отчимом. Но как ей жить с этим дальше?

Целиком поглощенная раздумьями, она не заметила, как очутилась в городском парке.

Был месяц май. В эту пору парк особенно красив. Живая, яркая зелень деревьев, благоухание цветов. Ухоженные дорожки, скамейки на каждом шагу. Гуляй себе, радуйся жизни. Да только гуляющих здесь мало. Все в городе знали, что парк – это раздолье для наркоманов и бандитов. Они здесь настоящие хозяева. Вот выберется откуда-нибудь из-за кустов разудалая компания, и тогда случайному прохожему не позавидуешь. По голове треснут или, что гораздо хуже, «розой» из разбитой бутылки по горлу. Бывали такие случаи.

Девушку здесь подстерегала опасность совсем иного рода. Да только Настя об этом не думала. Она ничего вокруг себя не замечала. И на пустую скамейку на пересечении двух аллей присела машинально.

– Кого я вижу!

Чей-то знакомый с издевательскими интонациями голос возвратил ее в действительность.

– Глазам своим не верю! – Прямо на нее шел Герман.

Рядом с ним вышагивали еще трое. Все под кайфом. Глаза остекленевшие. На лицах блаженные улыбки. Анаши накурились, не иначе. От таких можно ожидать всего. Насте стало не по себе.

* * *

– Ты ко мне пришла, Настена? Ты искала меня? – Герман подошел к ней и грубо схватил за руку.

Настя молчала, только испуганно смотрела на него.

– Ты ко мне пришла, я спрашиваю? – В его голосе закипела ярость. Но тут же она сменилась идиотским весельем. – Ко мне! Конечно, ко мне!

Не отпуская ее руки, Герман присел на корточки и, придерживая ладонью живот, захохотал.

Это послужило сигналом и для остальных. Его спутники приняли ту же позу, из их глоток вырывался такой же дурацкий смех.

Но продолжалось это безумие недолго.

Первым замолчал Герман. Он поднялся на ноги и уставился на Настю тяжелым, злым взглядом.

– Ну что, метелка, пойдешь со мной? – Он показал кивком головы на заросли кустов неподалеку.

– Нет. – Настя до ужаса боялась остаться с ним наедине.

– Тогда пойдешь вместе со всеми. Пустим тебя по кругу. Вставай, сука, пошли!

– Нет!

– Да! – заорал Герман и с размаху ударил ее по лицу. – Я же говорил тебе, ты пожалеешь, – добавил он.

– Ах ты тварь!

Неожиданно для себя самой Настя резким движением ударила его коленкой в пах.

Герман схватился руками за ушибленное место и скорчился от боли.

Двое его дружков подскочили к Насте, пытаясь схватить ее. Одною она наотмашь ударила растопыренной ладонью по лицу. Не от силы удара, а скорее от неожиданности нападавший потерял равновесие и оказался на земле. Но другой подобрался к ней из-за спины, схватил за руки и лишил возможности сопротивляться.

– В кусты ее тащите, в кусты! – благим матом орал Герман.

Он уже успел оправиться от удара. Как-никак он находился под наркозом, а это обезболивает.

– Эй, погоди, не торопись, – одернул его чей-то негромкий, но повелительный голос.

Настя невольно обернулась.

К Герману и его дружкам подошли трое парней. На пьяниц не похожи, на наркоманов тоже. Но и законопослушными гражданами их не назовешь. От троицы исходила угроза.

– О, блин, блатари нагрязнули, – испуганно прошептал тот, который держал Настю за руки. Вперед выступил чернявый. Хищный прищур, жестко сжатые губы.

Он мгновенно определил в Германе главного и вплотную подступил к нему.

– Зачем бабу обижаешь? – прошипел он и с силой ударил Германа головой.

Обливаясь кровью, тот рухнул на плитки тротуара.

– Ша, ублюдки! Хватайте своего мудака и сдергивайте! – негромко, но с силой в каждом слове приказал чернявый.

Дружки Германа по-холуйски закивали, подхватили приятеля под руки и бросились наутек.

– Козлы! – сказал один из приятелей чернявого. – Ну, никаких понятий, падлы...

Угрюмый, морда кирпичом, типичный уголовник. Такой прирежет и не поморщится. Но, видно, и зря обижать не будет.

– Надо было им всем рога поотшибать, – сказал другой. – Такую кошечку обидели... Ну что, отваливаем?

Белобрысый, худощавый, не удался ростом. Но опасный, как змея. Такие жалят быстро и смертельно. Но Насте он показался сейчас безобидным.

– Идите, я вас догоню. – Чернявый с интересом разглядывал девушку.

– Ну да, конечно. Базара нет, – понимающе подмигнул ему белобрысый. – Не теряйся, Хмурый... А мы отваливаем.

Хмурый ничего не сказал. Только кивнул.

Высокий, стройный, грудь широкая. Синие глаза, тонко очерченный с горбинкой нос. Красивое лицо. Жесткий взгляд властного, не по годам мудрого человека. От таких женщины теряют голову.

Насте он сразу понравился.

Он был опасен. Но девушка этого не замечала. В ее глазах он предстал героем-спасителем. Такой не способен на подлость.

– Совсем оборзела молодежь. – Лед в его глазах таял, когда он на нее смотрел.

А ведь сам не такой уж и старый. Чуть больше двадцати.

– Спасибо вам! – Настя в смущении отвела взгляд.

– Только без «вам». Договорились?.. Меня Антоном зовут.

– Настя...

– Ты больше здесь, в этом парке, одна не появляйся. Всякой шпаны здесь как нерезанных собак. Хочешь, я возьму тебя под свою опеку? – предложил он.

Насте почему-то не хотелось отвергать его предложение. Он ей нравился все больше.

– Погуляем вечером? Только не сегодня – завтра.

– Можно, – охотно согласилась она.

– Тогда в восемь, у кинотеатра. Идет?

– Идет!

Антон куда-то торопится, это очевидно. Настя снова осталась одна.

Покинув парк, она отправилась на вокзал. Если отчим в самом деле уезжает, то она должна в этом удостовериться. Взглядом, издали, не выдавая своего присутствия.

Так оно и вышло. Она видела, как Александр Макарович сел в скорый поезд, который унес его куда-то в сторону Москвы. Только после этого девушка отправилась домой.

* * *

Настя знала, что молодежь в их городишке развлекается либо на дискотеке, либо в кино, либо в пыльных забегаловках с вывесками «Бар» или «Кафе». Больше пойти некуда. В поисках острых ощущений ее ровесники, в основном мальчишки, заправлялись крепленным вином, бормотухой или веселили кровь дымом анаши. Вот и весь праздник.

Но и таких развлечений она не искала. Нет, мама не запрещала гулять вечерами. Просто ей самой никуда не хотелось ходить. Дневные занятия в балетной студии, вечер за уроками и интересной книгой – она предпочитала это.

Сегодня она встречается с молодым человеком. Интересно, куда поведет ее Антон? В кино?.. Вряд ли. Хотя может быть и такое...

Да, Антон не из круга ей подобных. Она понимала – он из чуждого ей мира, сурового, с жестокими законами. Он из блатарей, может быть, из уголовников. Ведь не дура же она –

догадывается... Но он красив и по-своему даже благороден. Такой, подсказывало ей чутье, не сделает подлость.

Вот ее отчим – страж порядка, милиционер. Такому сам бог велел оберегать людей. Так нет же, он оказался последней сволочью...

К единственному в городе кинотеатру Настя подошла на пятнадцать минут позже назначенного времени. Опоздала – но женщинам это позволительно. Так она считала.

Антон ждал ее.

Красавец мужчина, в черных брюках, белой рубашке. Ослепительная улыбка. Само обаяние. И ничего такого пугающего.

– Ты припозднилась, Настя, – без малейшего недовольства заметил он. – Но это пустяки.

Он откровенно любовался ею.

В легком шелковом сарафане, с распущенными волосами, в туфельках на высоком каблуке она была бесподобна. Никакой косметики, но это ее только украшало. А печаль в глубине улыбающихся глаз придавала ей особенное очарование.

– Я рада, что ты не обиделся...

– Каким ты располагаешь временем?

– Могу гулять хоть до утра. Дома только брат. Но он уже большой. Может обойтись без меня...

– Это хорошо...

– Но до утра я гулять не буду. Не позже чем в одиннадцать должна быть дома...

– Как скажешь... Значит, у нас времени... меньше чем три часа. Поторопимся?

– Куда?

– Приглашаю тебя в ресторан.

В городке всего одно заведение подобного рода, больше похожее на столовую.

– Ну уж нет. Еще в школе узнают... – запротестовала Настя.

– А мы рванем в Катайск. – В глазах Антона вспыхнул азартный огонек. – Там тебя никто не знает.

– Так нас там и ждут... Да и ехать столько...

– Самое большее минут сорок.

Он показал на белоснежную «Волгу» на стоянке перед кинотеатром.

– Ну, если на машине... – Его азарт передался ей. Она соглашалась, сама себе удивляясь. – Только недолго.

Последние слова она произнесла, как бы оправдывая в его глазах свое легкомыслие.

Машину вел приятель Антона, молодой человек лет двадцати. Симпатичный, обаятельный шатен. Такие легко кружат девчонкам головы. Рядом с ним размалеванная девица, смазливая. Она курила и влюбленно смотрела на своего кавалера.

– О, не кислая девочка! – встретила она Настю, оценивая ее бесцеремонным взглядом. – А у тебя, Хмурый, не хилый вкус!

– Прикуси язык! – сверкнул взглядом Антон.

Девица вмиг сникла, отвернулась.

– И сигарету притуши. С нами некурящие.

И он подмигнул Насте. Держись, мол, не робей. В обиду не дам! На душе у нее стало легко и приятно.

Вслед за «Волгой» пошла еще одна машина, салатного цвета «тройка».

– Это с нами, – пояснил Антон.

Как он и обещал, дорога до Катайска, областного центра, заняла всего сорок минут. На автобусе ехали бы гораздо больше часа.

«Волга» пропетляла по вечерним улицам Катайска, свернула во двор выстроившихся прямоугольной крепостью «сталинок». У входа в подвальный этаж одного из домов стояло в ряд несколько легковушек.

– Кооперативный ресторан, – кивнул Антон на вывеску над резной лакированной дверью. – Снаружи неприметный, зато внутри – полный ажур. Здесь все свои...

Из остановившейся рядом «тройки» выбрались двое, угрюмый и белобрысый. Их Настя уже видела сегодня. Оба с подругами, расфуфыренными девушками, видно, любительницами красивой жизни.

Внутри ресторан и впрямь производил впечатление. Дорогая мебель, стерильная чистота, блеск позолоты, вышколенные официанты в строгих костюмах. Сервис, уют, комфорт.

– «Интуристу» не уступит, не-а! Высший класс! Плати только и отдыхай... – Антон небрежно извлек из кармана брюк початую пачку десятирублевков.

– Откуда столько? – вырвалось у Насти.

– А вот это не твое дело, – беззлобно сказал он, погрозив ей пальцем.

* * *

На жизнь и развлечения Антон зарабатывал преступным и, разумеется, опасным ремеслом. Воровал много и с размахом.

Он и его дружки промышляли в основном квартирными кражами. Фартовыми слыли домушниками. Бывало, чистили магазины. На прошлой неделе, к примеру, «взяли» склад меховых изделий, удачно сбыли краденое, денег отхватили немерено. Во всех делах Антон был и организатором, и вдохновителем. Слушались его беспрекословно. Явный лидер, жестокий, умный.

Прежде чем идти на дело, он долго и тщательно обдумывал операцию. Голова работала как ЭВМ, постоянно в ней что-то просчитывалось, созревала какая-нибудь новая деталь к уже продуманному плану. И поэтому работали чисто, без трупов, следов после себя не оставляли. Не зацепишься...

Но это сейчас, а поначалу он допускал, бывало, непростительные ошибки.

Первый раз он попался в пятнадцать лет. Вместе с такими же несмышленишками-пацанами, как и сам, угнал мотоцикл. Но далеко не уехали – поймала милиция. По молодости тогда отделался двумя годами условно.

В шестнадцать неудачно залез в карман к барыге-спекулянту. И загремел на «малолетку», опять на два года.

В двадцать его замели на сбыте краденого. На этот раз он отдал «хозяину» три года.

Жизнь в неволе закалила его, выветрила из него много хорошего, сделала матерым волком, сильным и хитрым хищником. Жил по понятиям, по неписаным воровским законам. Всегда в «отрицаловке», на работы ни шагу. Не сломили его ни шизо, ни карцеры. В обиду себя не давал и других зря не обижал. С зоны вернулся уважаемым в своей среде вором.

И снова все по-старому. Но уже без глупостей. Прежде всего осторожность. И вот уже два года он живет в свое удовольствие, нет у ментов повода сесть ему на хвост.

На зоне он получил кличку Хмурый. Все верно, среди таких же уголовников, как и сам, он умел прятать свои чувства за маской холодного равнодушия ко всему, был неулыбчив, строг. Слов на ветер не бросал. К чему порожняки гонять? Заявлял о себе только делом.

Да и в миру, среди законопослушных обывателей, не торопился распахивать душу перед каждым встречным. Даже перед друзьями...

Другое дело Настя. К ней у него сразу появилось непривычно сильное чувство. Любовь с первого взгляда – неужели такое может быть? Еще вчера он мог уверенно ответить: «нет». У него были женщины. И с каждой его связывала только страсть, желание «попарить шишку».

Тут уж если любезности, то дежурные, ни к чему не обязывающие. Затянул в постель, и все, никаких больше нежностей.

С Настей все по-другому. Да, она сексуальна, спору нет. Красивая! Мечта, а не девушка. Даже оторопь берет, когда представишь ее голой, да еще и в своей постели. Но, кроме плотского, испытываешь к ней и иное влечение. Душевное. Она согревает своим внутренним теплом, пробуждает светлые чувства. Его даже на лирику потянуло.

С ней можно улыбаться, болтать о всякой ерунде, казаться таким, как все, кого он называет слабаками. И не чувствовать при этом никакого внутреннего дискомфорта. Словно крылья распахнулись за спиной. Странное ощущение... А ведь он знает ее всего-то несколько часов.

Тяга к деньгам не делала Антона жадным. Он с легкостью расставался с червонцами, добытыми с таким риском. Они дарили ему власть, радость жизни, все, к чему он стремился. Но шикавал он вдали от глаз участкового. Зачем давать повод для нездорового любопытства?

* * *

Настя с интересом разглядывала посетителей ресторана. Прилично одетые мужчины с барской вальяжностью восседают за соседними столиками, кушают, выпивают, ведут неторопливые беседы. Словом, отдыхают люди. Здесь спокойно и уютно.

Но не знала она, кто они, эти люди, и какими иной раз бывают опасными.

Однако понимала, что бояться ей нечего. Она с Антоном, а он на короткой ноге кое с кем из собравшихся здесь авторитетов уголовного мира. Да и у самого под рукой крепкая команда.

Понт, Клык и Сом – так называл он своих друзей. Все они, как видно, побывали за «колючкой», все не робкого десятка. Могут постоять за себя.

Поначалу Настя держалась скованно. Но потом, хлебнув вина, поддалась общему разгульному настроению. Все ей здесь стало нравиться, даже друзья Антона.

Только она никак не могла привыкнуть к их манере изъясняться. Сам Антон из уважения к ней старался не прибегать к блатному жаргону. И друзей своих просил о том же. Те вроде бы и старались, да только не очень-то получалось. Разговор то и дело пересыпался солеными словечками из фени.

– Нравится? – спросил ее Антон, с довольной улыбкой обводя взглядом зал, залитый голубоватым светом.

– Еще как! – восторженно ответила Настя.

Со сцены лилась дивная музыка, для нее, по его заказу.

– Красивая жизнь! Но так просто ее не ухватишь. – Антон достал сигарету, закурил. – Я же ее ухватил и буду держать за хвост. Только скажи, что будешь моей, и я буду носить тебя на руках, как королеву...

Его слова завораживали, будто в сказке. Как же с ним хорошо! А вдруг она влюбилась?..

Ресторан она покидала навеселе. Спиртное кружило ей голову, путало мысли. Сейчас она готова на любое безрассудство. Или это ей только кажется?

– Уже поздно. Почти двенадцать. Едем обратно.

Зато Антон был серьезен.

В свои шестнадцать лет Настя знала, зачем нужны мужчинам женщины. Их волнует только одно: обладание женским телом.

И какие бы песни они ни пели, сколько бы цветов ни дарили, сколько бы ни клялись в любви до гроба, все их ухаживания сводятся к одному – затащить в постель.

И в то же время она разделяла секс на два вида: чистый и грязный. Первый – это когда женщина отдается по любви, когда у нее с любимым есть общее будущее. Второй – это как у нее с отчимом. Насилие и шантаж. Ненависть и рабская покорность.

Похоже, она в самом деле влюбилась в Антона. И он, кажется, дышит к ней неровно. На мгновение представив себя в переплетении их обнаженных тел, она вдруг ощутила сладострастный восторг. Он теплой приятной волной разлился по низу живота. И тут же где-то внутри ее включился защитный механизм, в мозг пошел сигнал об опасности.

Поэтому Настя была начеку, когда в машине Антон придвинулся к ней, запрокинул на спинку сиденья руку и нежно обнял ее за плечи.

– Ты необычная, – шепнул он. – Ты особенная.

– Ты тоже, – кивнула она и чуть отодвинулась от него. Девичий инстинкт.

– Не бойся. Я тебя не трону, – понимающе улыбнулся он и убрал руку с ее плеч.

Всю дорогу Антон молчал. Смотрел на нее, нежно так, ласково. И она смотрела на него. И тоже молчала.

Они понимали друг друга без слов.

* * *

В следующий раз они никуда не поехали.

Деньги имеют одно скверное свойство – они быстро заканчиваются. Особенно если их не берегут. Антон их не берег. Последнюю неделю он гулял безбожно и вчера в кабаке оставил последние.

В общем, пришлось довольствоваться простым способом времяпрепровождения. Они пошли в кино.

Едва в зале погас свет, Антон обнял Настю за плечи, привлек к себе. На этот раз она не сопротивлялась. Ей приятно было ощущать его тепло. Не хотелось лишать себя этого удовольствия.

Сначала она делала вид, будто всецело увлечена событиями, происходящими на экране.

Антон же на экран не смотрел вовсе. Он смотрел только на нее.

Вскоре Насте надоело притворяться, она повернулась к своему кавалеру. Их глаза встретились. Темнота вокруг не мешала им смотреть друг на друга. Не помешала она и губам их слиться в долгом жгучем поцелуе.

Рука Антона легла ей на грудь. Пальцы нащупали твердеющий сосок, заиграли на нем. Никогда ей не было так хорошо. Волна блаженства разлилась по всему телу, овладела сознанием.

Защитный механизм не срабатывал. Настя целиком отдалась головокружительным ощущениям.

О! Как ей хорошо! Неужели все скоро закончится?..

– Домой не торопись? – спросил Антон, когда они вышли из кинотеатра.

На улице еще светло. Сумерки только начинают сгущаться.

– Нет, а что? – Настя прятала от него глаза. Ей было стыдно. Как будто это она все начала...

– У моего друга есть квартира. А у меня ключи от нее. Там, кроме нас, никого не будет.

– И что мы там будем делать?

«Идиотский вопрос...»

– Посидим, поболтаем, музыку послушаем. Можно выпить, чуть-чуть. Не пожалеешь...

«Такой же и ответ...»

– Выпить не хочу. А поболтать можно и здесь, на улице.

Настя боялась остаться наедине с Антоном. А ведь совсем недавно она думала совсем по-другому... Боялась попасть под власть искушения.

До самой темноты они бродили по пустынному парку. Затем Антон проводил ее домой. На этом и закончился второй день их знакомства.

Уголовник он или нет, Настя не знала, но не могла думать о нем плохо. Вел он себя безукоризненно.

Когда они подходили к дому, навстречу им попался Денис. Увидел их и озорно так улыбнулся, сорванец. И он не против Антона.

А чего ей, интересно, так ревностно блюсти себя? Так думала Настя ночью в своей кровати. Ведь скоро она может оказаться в постели своего отчима. И уж если ей суждено лишиться девственности, то пусть это произойдет с человеком, который нравится.

В следующий раз она, отбросив сомнения, отправилась с Антоном в пустующую квартиру.

Не отказалась от бокала шампанского. Смело расправилась и со вторым, третьим...

Опьянела, потеряла голову и потому без сопротивления отдается – пусть так и подумает о ней Антон, когда это произойдет. Может, не будет ее тогда презирать.

Но он, похоже, не торопился вкусить от запретного плода.

Бережно, словно она из хрупкого стекла, подвел ее к ложу, застеленному белоснежной простыней, зашел к ней сзади, прижал к себе. Его руки запорхали по всему ее телу, искусно затрагивая потаенные струны чувственности.

Охваченная желанием, она даже не заметила, как осталась без платья. Антон опустился на колени, зацепил пальцами ее трусики, медленно потянул их вниз.

Его влажный теплый язык скользил по ее атласной коже, а руки сбрасывали белую кружевную ткань.

Обнаженную, он уложил ее на кровать. Разделся сам. Его шальной язык коснулся сосков ее груди, забрался в ложбинку между ними. Стал опускаться ниже, коснулся живота. Затем снова пополз вверх. Их губы слились в долгом поцелуе.

Настя изнывала от неземного блаженства.

Пальцы Антона коснулись ее «норки», нащупали «волшебную кнопочку». И она куда-то полетела на крыльях острого наслаждения. Сознание тонуло в волнах страстного желания... И вот ее тело содрогнулось под давлением взорвавшейся в ней бомбы. Неужели может быть так хорошо!

– Как ты? – с нежной улыбкой спросил Антон, когда Настя пришла в себя.

Ее тело прикрыто простыней – это он позаботился. Милый, дорогой!

– Чудесно! – Она зажмурилась от удовольствия глаза, потянулась. – Ты волшебник!

– Будет еще и не то, – коснувшись губами ее уха, пообещал он. – Но только не сегодня.

– Но почему?

– С тебя пока хватит и этого...

– Не хватит... Я хочу большего...

Неужели он не понимает, как она хочет продолжения. Ее жажда не утолена!

– Эй, ты еще не остыла...

Прошел день. И снова они в той же самой квартире.

– Ну что, как вчера? – спросил осторожно Антон.

– Как вчера... – кивнула Настя.

Да, сегодня она расстанется с девственностью. В угоду милому и назло ненавистному отчиму. Да и самой, наверное, будет приятно.

Все повторилось. Неторопливое раздевание, ласки руками, языком, восторг первого оргазма.

Антон не дал ей успокоиться, прийти в себя. Он повернул ее на спину, развел ей ноги, прижался к ней всем своим телом и медленно, осторожно преодолевая сопротивление неподатливой плоти, вошел в нее.

«Мышка в норке!»

Простыня под ней окрасилась.

Теперь она не девочка, а женщина – так, кажется, говорят в подобных случаях.

– Завтра уезжаю, – через некоторое время сказал Антон.

– Надолго? — встревожилась она.

Неужели он собирается бросить ее? Получил свое, и до свидания?

– Нет, на несколько дней.

В соседнем городе ожидал своего часа ювелирный магазинчик. Серьезное дело. Антон твердо решил «облегчить» его. План уже созрел. Пару-тройку деньков следует прошупать подступы к золотишку, а потом – брать. Без разведки нельзя. А потом еще рыжье нужно спихнуть барыге, обернуть его в «хрусты». Тут дня в два не уложишься.

– И вернешься?

– А как же. И сразу к тебе!.. Знаешь, я буду скучать. – Он, похоже, нисколько не шутил.

– Я тоже, – и она говорила серьезно.

– Ты нравишься мне, очень...

– А я люблю тебя. – Она заглянула ему в глаза. – Ведь ты первый у меня в жизни мужчина.

– Ты лучшее, что есть у меня в этой жизни. – Он прижал ее к себе. – Я так боюсь тебя потерять...

2

Из командировки Александр Макарович вернулся ровно через неделю, день в день. Настя же все эти дни мечтала, чтобы он остался там, в незнакомом ей городе, навсегда.

Но в действительности все случилось по-другому.

Он своим ключом отпер дверь, не снимая обуви, заглянул в комнату, где она сидела за уроками.

– Ты здесь? – удовлетворенно крикнул он. Мерзко улыбнулся. – Я соскучился!

И, не дожидаясь ответа, отправился в свою комнату. Он торопливо разделся, взял чистое полотенце и скрылся в ванной. Когда вышел, Настя, одетая для улицы, подходила к двери. Она торопилась покинуть квартиру.

– Ты куда?

Он стоял перед ней в одних семейных трусах, без майки. И, похоже, его это нисколько не смущало.

– К маме, в больницу.

Настя отводила от него взгляд.

– Погоди немного. Пойдем вместе.

– Я подожду на улице.

– Вижу, ты не рада мне. – Он подошел к ней и взял за руку. – А ведь я соскучился...

Пойдем в комнату.

– Оставьте меня! – заупрямилась она.

– Подумай о своей матери!

Эти слова подействовали на нее магическим образом.

Она представила себе умирающую мать. Мама задыхается, ей не хватает воздуха. И во всем виновата Настя!

Она подчинилась злой воле и покорно поплелась за отчимом в его комнату.

– Я рад, что у меня такая послушная дочь, – похабно улыбнулся Александр Макарович и подтолкнул падчерицу к кровати. – Ты ведь знаешь, чем мы сейчас займемся. Догадываешься?

Настя покорно кивнула.

Сейчас ей было все равно.

Нет, она не сломалась, не стала равнодушной к самой себе. Она просто жалеет маму и ради нее пожертвует собой.

Она повернулась к отчиму спиной, покорно сняла с себя платье, бюстгальтер, трусики. Из ее глаз текли слезы. Закрывая руками груди и волосистой треугольничек, повернулась к нему лицом. С ненавистью посмотрела на него.

Она стерпит все! Лишь бы только с мамой ничего не случилось.

Александр Макарович быстро разделся и бросил ее на кровать.

Настя закрыла глаза, попыталась на месте этого ублюдка представить Антона.

Антон? Антон! Антон!..

Ну почему она не открылась ему, почему не рассказала о домогательствах отчима?

Он сильный. Он наверняка нашел бы способ спасти ее.

Несчастливая девушка дернулась, порываясь вырваться из-под отчима. Но было уже поздно. Тот с силой прижимал ее к ложу и уже входил в нее.

В этот момент в комнату вошла... мама.

Настя с ужасом увидела, как расширились от увиденного ее глаза, раскрылся рот, рука схватилась за сердце. Держась другой рукой за косяк двери, она стала оседать на пол.

Голый муж на такой же голой дочери. Залитые слезами глаза девочки. Этого износившееся сердце Елены Николаевны вынести не могло.

Когда Настя подбежала к ней, она уже не дышала.

* * *

К радости Александра Макаровича, Настя не назвала истинной причины смерти матери. Просто сердечный приступ. Наверное, от волнения при встрече с мужем, дочерью. Так он и объяснил врачам. И ему поверили. Ведь основания для этого были, притом серьезные.

Елену Николаевну хоронили на третий день.

Настя стояла над могилой и с ненавистью смотрела на отчима, самого лютого своего врага.

Он молча и тупо наблюдал, как рабочие заколачивают крышку гроба. У него даже хватило наглости положить руку ей на плечо.

Рядом с Настей стоял Денис. Он заливался горячими слезами. Никогда больше мама не приласкает его, не прижмет к себе, не взъерошит теплой рукой его непослушные вихры.

Нет, неотвязно думала Настя, убийца их матери жить не должен! Он должен умереть. Умереть как можно скорее!

Решение убить отчима окончательно укрепилось в голове бедной девушки, когда сырая земля сомкнулась над могилой.

Месть! Она отомстит! Жажда мести целиком поглотила сознание Насти.

Единственным, кто мог бы отговорить ее, был Антон. Он смог бы ее утешить.

* * *

На поминках Александр Макарович напился как свинья. Шатаясь, кое-как добрался до своей комнаты. Не раздеваясь, рухнул на застланную постель. И сразу заснул мертвецким сном.

Лучше бы он никогда не просыпался!

Гости, собравшиеся помянуть Елену Николаевну, разошлись, когда за окном сгустились вечерние сумерки. Измученные Настя и Денис очень хотели спать.

Но спать лег только мальчик. Его сестра готовилась к иному.

Ровно в полночь Настя крадущимся шагом прошла на кухню, взяла длинный острый нож с костяной ручкой. Посмотрела на тускло отливающую в лунном свете сталь, зло усмехнулась. «Смерть ублюдку!»

Но прежде чем пройти в спальню отчима, она зашла в свою комнату, склонилась над кроватью младшего брата.

Денис спал беспокойно. Его сонное детское личико было печальным. Он и во сне оплакивал свою маму.

Настя бережно укрыла его и нежно поцеловала в щеку.

Из ее глаз невольно полились слезы. Она прощалась с ним. Мысленно просила у него прощения. Ведь она оставляет его в такое трудное время, надолго, может быть, навсегда.

А ведь теперь она единственный родной для него человек на всем белом свете. Кто, кроме нее, позаботится о брате?

– Прости меня, Дениска! Но убийца нашей мамы жить не должен! – тихо прошептала она и снова поцеловала его.

Александр Макарович спал на спине, широко раскинув руки. На его сытом потном лице играла блаженная улыбка. Наверняка ему снился приятный сон. Может, он во сне насиловал ее...

Ненависть душила Настю. Ее рука, сжимающая нож, сама поднялась вверх.

– Получай, подонок! – И она направила нож ему в сердце.

Но рука почему-то дрогнула. Лезвие ножа пошло левее и под углом. Холодная сталь вспорола кожу над ребрами, коснулась кости и скользнула вдоль нее, в глубь тела не прошла.

Насте же показалось, что нож достиг цели.

Дело сделано.

Она опростынь выскочила из квартиры, бросилась на улицу. Бежала так, будто за ней уже гналась милиция.

А разыскивать ее будут, обязательно будут. Какие могут быть сомнения?

Только отвечать перед законом за смерть негодяя она не желала. Поэтому и торопилась скрыться, уехать как можно дальше.

До последнего звонка в школе, до выпускных экзаменов, до получения аттестата зрелости оставалось всего-то ничего.

Глава 2

Денис. 1987 год

1

Денис проснулся от крика, разорвавшего тишину ночи. И тут же услышал, как хлопнула входная дверь.

Он поискал глазами сестру, но ее нигде не было. Тогда он встал и босиком побежал в комнату отчима.

Александр Макарович – а это он разбудил мальчика – уже не орал, только постанывал, держась за сердце. Сквозь пальцы сочилась кровь. Рядом с ним на постели лежал нож.

– Ну, чего стоишь? – увидев Дениса, рявкнул он. – Беги, звони в милицию! – Но тут же передумал: – Нет, обожди, пока не звони.

Он понимал – его хотели убить. И не кто иной, как Настя, его неблагодарная приемная дочь. И убила бы, если бы была посильнее и половчее.

Вот почему она молчала, не заявила в милицию, не обвинила его в изнасиловании, шантаже. Она собиралась отомстить ему сама. Приговорила к смерти. И чуть было не привела приговор в исполнение.

Сука!

Но он не убит – он жив! Так стоит ли ставить в известность своих коллег в милиции, искать несостоявшуюся убийцу? Какой в этом смысл?

Ведь если он найдет девчонку, чтобы наказать, то не будет ли при этом наказан сам? Что, если поверят ей, не ему? А скорее всего, так и будет.

Нет, лучше замять эту историю. Не выносить сор из избы, им же самим и опоганенной. Тем более рана, кажется, совсем пустяковая, заживет как на собаке.

– Отец, что случилось? – робко спросил Денис.

– Меня хотели убить... Может, урка какой пробрался в дом... Ты же знаешь, с кем мне приходится работать...

Зажимая рану рукой, Александр Макарович встал с кровати, побрел в ванную. Там в шкафчике была аптечка.

– А где Настя? – спросил мальчик, следуя за ним.

– А что, разве ее нет дома?

– Нет!

– Может, ее похитили? – предположил отчим. – Ну, ничего, я ее разыщу. Я же милиционер как-никак. Не забывай об этом... Только никому ничего не рассказывай. Рот на замок, понял?

* * *

Найти Настю Александр Макарович никак не мог. Хотя, по его словам, на ноги была поднята вся милиция.

– Ты никому не рассказывал в школе, что меня пытались убить? – спустя дня три спросил он Дениса.

– Нет, ты же просил...

– И правильно. Зачем кому-то знать, что на меня, капитана милиции, покушалась какая-то уголовная дрянь... А Настю мы ищем. Уже на верном пути.

В милиции же об исчезновении Насти и слухом не слыхивали. Только Денис о том не ведал.

А тем временем занятия в школе закончились. Начались летние каникулы. Счастливая пора для каждого школьника.

Но Дениса ничего не радовало. Смерть матери. Исчезновение сестры. Попытка убить отчима – все это камнем лежало на душе.

Александр Макарович проявил небывалую энергию. Добился освобождения Дениса от летней практики и устроил его в пионерлагерь на все три месяца.

С добровольно-принудительного отдыха мальчик вернулся в конце августа и сразу же узнал неприятную для него новость.

– Ты понимаешь, сынок, – бодро встретил его отчим. – Так уж получилось, я женился. Женился в третий раз. Не бобылем же мне весь век коротать.

Из кухни вышла высокая крутобедрая женщина, неприятливо посмотрела на Дениса.

– Да, конечно, – предчувствуя новую беду, согласился с ним пасынок. – Мужчинам плохо без жены... Значит, у меня теперь новая мама?

– Видишь ли, сынок, – отчим заюлил, – Мария Геннадьевна не хочет быть твоей мамой. Она не хочет жить вместе с тобой.

– А где же она тогда будет жить?

– Она будет жить здесь, в моей квартире, вместе со мной. А вот тебе, сынок, придется подыскать новое жилье... Но ты не волнуйся, я о тебе позаботился. Устроил в хороший дом. Детский дом. Там много детей. Тебе там будет весело.

– Ты хочешь отдать меня в детдом? – испугался мальчик.

– Да, так будет лучше для всех... Все, это вопрос решенный...

– А где моя сестра? Ты нашел ее?

– Наберись мужества, мой мальчик. – Лицо Александра Макаровича приняло скорбное выражение. – Твоя сестра погибла. От руки преступника, похитившего ее... Помнишь, он и меня хотел убить...

2

Детдом, куда определили Дениса, находился в двухстах километрах от его родного города. Это самый лучший детский дом во всей стране – так уверял мальчика отчим.

На самом же деле детдом скорее всего был самым худшим. А определил он пасынка сюда, чтобы быть от него как можно дальше, чтобы вычеркнуть его из своей жизни.

Вычеркнул отчима из своей жизни и Денис. Он отлично понимал, что Александр Макарович стремится как можно скорее избавиться от него.

Отчим уехал, передав Дениса в руки директора интерната, немолодой уже и некрасивой женщины с не совсем обычным именем Агнесса Савельевна.

Одна нога у нее была короче другой. Поэтому при ходьбе она сильно хромала. Но это не мешало ей ходить быстро и всюду поспевать.

– Добро пожаловать в наш дом! – с дежурно-приветливой улыбкой на полных губах сказала она.

Ее маленькие серые глаза смотрели на него изучающе. Будто она прощупывала взглядом каждый сантиметр детского тела, затаятого в стандартную школьную форму.

Для своих лет Денис отличался хорошим физическим развитием. Не было худобы и угловатости, характерных для большинства мальчиков его возраста. Широко раскрытые печальные глаза делали его похожим на ангела.

Директриса, похоже, осталась довольна осмотром.

– Ты сирота, – подытожила она. – Отныне я для тебя и отец, и мать. Ты понимаешь меня, мой мальчик?

Денис молча кивнул. Его глаза стали еще печальнее.

– По нашим меркам, ты старшекласник. Окончишь восемь классов. Затем продолжишь обучение в профтехучилище. Трактористом станешь... Но это так, для сведения. Жить будешь в большой комнате. Там много других мальчиков. И семиклассники, и восьмиклассники, все вместе. Девочки живут на другом этаже, над вами. Но запомни, к ним хода нет. Видеться будете только на уроках. Таков закон нашего дома. А законы здесь устанавливаю я!

Скоро Денис оказался в огромной комнате, густо заставленной свежеекрашенными металлическими койками. Все, без малого три десятка детдомовцев, уставились на новичка.

Мальчики держались группами. Семиклассники с семиклассниками, восьмиклассники с восьмиклассниками. А еще по интересам. Особенно выделялась группа в пять человек. Самые крепкие и грубые. Наверняка они верховодят здесь.

От этих пятерых отделился и подошел к Денису коротко стриженный конопатый мальчик, недобро улыбаясь. Остановился в двух шагах от него, приставил руки к бокам и принялся демонстративно сверлить его взглядом.

– Ну, давай знакомиться! – после минутного молчания он протянул Денису руку.

– Денис! – Новичок хотел пожать протянутую руку, но промахнулся.

Рука ушла куда-то в сторону. И тут же он получил кулаком под дых. Несильный удар, но точный. Дышать вдруг стало тяжело. Сильная боль согнула тело пополам.

– Вот и познакомились!

Конопатый победно вскинул руки вверх. Он торжествовал. Скорчившись в три погибели, Денис со страхом взирал на своего обидчика. У него и мысли не возникло дать ему сдачи.

– Ну, кто следующий? – обращаясь ко всем, спросил стриженный.

Следующих было двое. Первый – высокий и худой, второй – короткий и толстый.

Один ударил Дениса кулаком в нос. Другой – ногой в живот. Тут же подскочили еще трое.

Удары посыпались градом, со всех сторон. И только когда он упал, его оставили в покое.

– Лежачего не бьют! – хихикнул кто-то в стороне.

Койку Денису определили у самого входа в комнату – презируемое место. Рядом с ним спал мальчик с такими же печальными, как и у него, глазами. Перед сном, укладываясь спать, он сказал, испуганно озираясь:

– Ты такой же, как я, – не умеешь дать сдачи. Они били тебя, чтобы понять это. Они грубые, они скоты. Они признают только силу. Дай сдачи, и они признают тебя... Но ты боишься. И я боюсь. Поэтому мы изгой.

«Они признают только силу...» Эти слова отныне глубоко запали в душу Дениса.

Он не хочет быть изгоем. Не хочет и в лидеры. Он хочет быть как все.

Но как все быть, не получается. Для этого нужно умение отвечать ударом на удар.

Когда Дениса никто не трогал, он мысленно настраивал себя на отпор будущему противнику. Но когда попадался кому-нибудь под руку, когда его мутузили просто так – из озорства, от скуки, он терялся, забывал об обороне.

Он боялся дать сдачи. Потому что за это ему еще больше достанется. Закон труса!.. Неужели он трус?

Жизнь стала невыносимой. Он превратился в мальчика для битья. Над ним смеялись.

Скоро начались школьные занятия.

Детдомовская школа мало походила на ту, в которой Денис когда-то учился. Его угнетали убогий вид классных комнат, старые некрашенные парты, треснувшие стекла, запыленные окна.

Но больше всего не нравились одноклассники. Мальчишки, вот уже три дня попеременно избивающие его. Коротко стриженные девчонки, такие же грубые и неприветливые. Все они откровенно издевались над ним, называли трусом и убожеством.

С лица Дениса не сходили следы побоев. То распухшая губа, то синяк под глазом. Но учителя привыкли не обращать на это никакого внимания.

И вообще они старались ничего не замечать. «Отбарабанят» урок, дадут задание на самоподготовку, и все – портфель в зубы, только их и видели. Хорошо, хоть сами не бьют учеников. А такое, поговаривали, встречалось в других детских домах.

Кроме Дениса, мальчиком для битья был и его сосед. Валька Коржииков. Но Вальку били меньше. Маленький, щуплый, у иных он вызывал жалость.

Однажды вечером к Денису подошел Семка Валков, тот самый, с которого начались все его несчастья.

– Ты назначен постоянным дежурным по сортиру.

– Но я не хочу.

– Да?.. И Коржик почему-то не хочет. Как же тогда быть? – На губах у Семки заиграла подленькая улыбочка. – Тогда вот что. Завтра в это же время вы будете драться с ним в сортире. Если засунешь его головой в очко, не будешь дежурным. Если нет, пеняй на себя. Понял, сосунок?

И, не дожидаясь ответа, смерив его уничтожающим взглядом, Семка повернулся к нему спиной. Хорошо, хоть не ударил.

Почти всю ночь Денис не спал. Лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок и думал. Думал о своей незавидной доле.

Умерла мама. Погибла сестра. От него отказался отчим. И вот он здесь, в этом проклятом детдоме. За что же ему такое наказание?

А может, это судьба?

Человек живет не сам по себе – как-то краем уха он слышал об этом от взрослых. Его ведет по жизни кто-то таинственный, кто-то свыше. Все в этом мире предопределено заранее, расписано на многие годы вперед...

Странно, но такая философия его вдруг успокоила, на душе полегчало. «Не отчаивайся, – услышал он вдруг внутренний голос, – смело смотри вперед. И тогда тебя ждет удача».

А что? Ведь когда-нибудь он вырастет, выучится, станет взрослым. Женится, у него появятся дети, свой дом. Он обретет тепло и уют своей семьи. Когда-нибудь он забудет этот ненавистный детский дом.

Но ему еще жить здесь два долгих года. Неужели все это время с ним будут обращаться как с изгоем? И можно ли верить во что-то хорошее, когда все так невыносимо плохо?

Нет, дальше так жить нельзя. Нужно пересилить себя, дать выход энергии духа, скрытой где-то у него в глубине. А ведь она есть, эта энергия, он чувствует ее...

«Я сильный! Я смелый! Я умею постоять за себя!»

Ему поможет самовнушение. Он настроит себя на волну отваги.

«Я сильный! Я смелый! Я умею постоять за себя...» – твердил он, пока не закрылись глаза.

Весь следующий день он чувствовал себя сильным и храбрым. Нет, он больше не трус!

Но когда его привели в туалет, где на потеху толпе он должен сразиться с Валькой, Денис ощутил дрожь в коленках, слабость в животе.

– Ну что, придурки, начинайте. Условия вам ясны. – Семка небрежно махнул рукой, подавая знак к началу поединка.

Вальку сковал страх. Он испуганно смотрел на Дениса, закрываясь от него тонкими, как прутья, руками.

Денис посмотрел на несчастного мальчишку, затем обвел взглядом смеющиеся лица собравшихся на потеху детдомовцев. А вот и зачинщик...

Семка презрительно усмехается, ждет не дождется, сука, когда слабый унижит более слабого.

С Валькой он, Денис, конечно, справится. Но ему не нужна такая победа!

«Твари! Ублюдки!»

И тут он ощутил, как в душе закипает холодная ярость. Она захлестнула все страхи, оттеснила неуверенность в себе. Непонятно откуда появилась сила в руках, отвага – в душе.

– Ну, чего ждете, придурки? Начинайте! – поторопил его и Вальку конопатый недоросль.

– Головой в унитаз? – спросил Денис и смело посмотрел ему в глаза.

– Да, да, головой в очко, – нетерпеливо подтвердил тот.

– Начинать?

– Начинай!

Денис злобно усмехнулся и пошел на него. В глазах пылала бешеная одержимость.

– Эй, ты чего? – опешил Семка.

Но быстро оправился от неожиданности. Его кулак устремился в голову непослушному изгою.

Удар в подбородок не выбил Дениса из колеи. Напротив, только укрепил его ненависть и решимость драться.

Он ударил в ответ. Ударил с размаху, со всей силы. Семка пошатнулся, но на ногах устоял. Его глаза стали огромными от удивления.

Денис размахнулся и ударил снова. Кулак описал дугу и врезался врагу в скулу. Семка «поплыл».

Третий удар сбил его с ног.

– Головой? В унитаз?

От ярости Дениса трясло.

Он схватил своего обидчика за грудки и силой оторвал от залитого нечистотами пола. Развернул к себе спиной, ухватил рукой за волосы и подтащил к унитазу.

Денис и сам не ожидал от себя такой прыти. Он справлялся с тяжелым Семкой так, как если бы держал в своих руках легкое соломенное чучело.

– Так, значит, в унитаз? – спросил он еще раз напоследок и впихнул его головой в глубину фаянсовой чаши.

Затем потянулся к веревке сливного бачка и спустил воду. И только после этого бросил побежденного врага.

– Ну, кто следующий? – все более распаляясь от ярости, рявкнул Денис, обращаясь к толпе.

В туалете стояла гробовая тишина.

Страшен был этот изгой в своем праведном гневе. Он показал себя сильным бойцом. Какой же он теперь изгой?..

Желающих сразиться с Денисом не нашлось.

С тех пор Дениса никто не трогал. Его боялись, перед ним заискивали. Но в лидеры он не стремился. Жил сам по себе, своими заботами.

И Вальку больше никто не обижал. Денис заступался за него, всячески опекал.

Теперь у него появились друзья. Парень перенял у них привычки, и хорошие и, большей частью, дурные. Начал курить, но тут же бросил. Противно!

Жизнь в детдоме стала более сносной. И если бы не тоска по покойной матери и погибшей сестре, он мог бы считать, что у него все в порядке.

3

Зимой, через полгода пребывания в детдоме, Денису исполнилось четырнадцать лет. Пролетел и еще год. Стукнуло пятнадцать.

Он очень изменился, сильно повзрослел. Крепко сбитый юноша с мудрым волевым взглядом, он выглядел на все восемнадцать лет.

Он стал привлекать к себе внимание одноклассниц. Все чаще его самого тянуло к ним, какое-то непонятное желание распирало низ живота, лишало покоя. Он уже мужчина, его тянет к женскому началу. Все естественно...

– Гляди, что я достал, – шепнул ему на ухо Левка Битков, его дружок.

Они сидели за одной партой. Шел урок.

Левка разложил у себя на коленях несколько фотографий с обнаженными женщинами, красивыми и не очень. Все в непристойных позах, улыбаются, демонстрируют свои «прелести». Огромные сиськи, поросшие «мехом» места между ног. Аж дух захватывает!

В следующий раз Левка приволок порнографический журнал. Это уже покруче. Разит наповал! Одна красотка в черных чулках лихо подпрыгивает, восседая верхом на голом мужике. Другая стоит на коленках, сзади к ней пристроился рослый негр. На следующей странице улыбочивая девица находит применение своим губам. Но и это еще не все. Оказывается, одна женщина может обслужить не одного, а нескольких мужиков сразу. Один спереди, двое сзади... И, судя по всему, красотке это нравится.

Однажды ночью на лестничном пролете носом к носу он столкнулся с директрисой.

Агнесса Савельевна жила одна – дома ее никто не ждал. Поэтому она частенько ночевала на работе. Но спала обычно крепко, ночными обходами никого не тревожила.

Сегодня же она изменила своим правилам. Ее мучила бессонница. Директриса решила прогуляться по коридору и сразу же натолкнулась на нарушителя режима.

– Кто такой?

– Денис... Золотов, – тихо ответил юноша.

– Что, к девчонкам ходил?..

– Да нет... Не спится просто...

Агнесса Савельевна мягко коснулась его щеки теплой ладонью.

– Пойдем ко мне... поговорим.

К ее кабинету примыкала небольшая комнатуха. В ней она спала, когда оставалась здесь на ночь. В спальне уютно, тепло...

– Так, значит, к девчонкам потянуло? – с мягким укором в голосе, скорее утверждая, чем спрашивая, сказала она.

– Да нет же...

– Помолчи, пожалуйста... Ну что ж, дело понятное. Мальчик повзрослел... Но я ведь говорила тебе, что с девчонками только на уроках. В другое время, тем более ночью, ни в коем случае... Или не говорила? – Говорили... – Денис вспомнил первую с ней встречу.

– А как же быть-то без девчонок?.. Об этом ты хочешь меня спросить?

– Но я ничего не хочу...

– Нет, ты хочешь меня об этом спросить, я знаю. – Агнесса Савельевна разволновалась, как невеста в первую брачную ночь.

В ее словах звучали незнакомые интонации, высокая грудь учащенно вздымалась.

– Такой взрослый мальчик, как ты, не может не интересоваться девочками. Ведь ты уже взрослый, уже мужчина! И интересный... и нравишься мне... Так как же без девочек-то?.. Так вот, отвечаю. Пока есть я, они тебе не нужны...

Она нежно провела рукой по его щеке, спустилась к шее, прошла по плечу, задержалась на груди и, быстро скользнув вниз, приклеилась к гульфику.

Денис стоял, боясь пошевелиться. Кровь стучала в висках. Дыхание как после кросса. И никакого желания сопротивляться.

– Я многому тебя научу, – прошептала она, когда он, свободный от одежды, уже лежал в ее постели.

Глава 3

Антон. 1987 год

1

С ювелирным все шито-крыто. Дело прошло как по маслу. Поволноваться, правда, пришлось. Но это ерунда.

Понт стоял на стреме. Сом срезал сигнализацию, самое сложное, кстати, дело. Сбили замок с двери рабочего входа, пробрались внутрь. Снова возня с сигнализацией. Сдалась, ока-янная. И сейф долго не продержался. Это уже заслуга Клыка. В козырные медвежатники метит. Молодец!.. Золотишко и камушки будто сами посыпались в карман.

Дело сделано, и атас! Уносите ноги, господа!

Антон побывал в Катайске, обратил золото в деньги. И вот пожалуйста, он снова дома, в Нагибинске.

Все чин-чинарем, его отсутствия, кажется, никто не заметил.

А он соскучился по Насте. Что за бес в ней сидит? Приворожила она его, что ли? Так к ней тянет, просто сил никаких нет.

Короче, берем ее в охапку, и в кабак, с ветерком. Забашлять есть чем. Вот жизнь-то!

Но настроение испохабила Киска, подруга Сома.

Как-то раз она дала клевою наводку на хату. Много рыжья тогда с собой унесли. Теперь она своя в доску.

Она подошла к нему, Клыку и Сому, когда они откисали в парке на лавочке. Подсела.

– А ты знаешь, кто она, твоя Настена? – спросила многозначительно.

– Что ты хочешь сказать?

– Ментовская дочка она, вот кто...

– Ну и?

– Капитана Костоглодова приемная дочь.

Костоглодова Антон знал. Неплохой опер, если разобраться. Дело свое знает. Может и прижать, если что. Сноровка есть и опыт. Но какой-то он непонятный, без стержня, что ли...

Прикажут, носом будет рыть землю, искать. А так чтобы держать тебя под прицелом, пока ты еще ничего не натворил... Нет, на это он вряд ли способен, ленив, равнодушен. Нет, он неопасен.

То ли дело старлей Лобанов. Тот еще жук. Проходу ему, Антону, не дает. Ты смотри у меня, мол, смотри... А глаза такие колючие. Вот это опер как опер. Таких боятся, таких уважают.

А Костоглод... Так себе... ни рыба ни мясо.

– Утомила ты меня, Киска... – отмахнулся Антон.

Ну не боится он Настинного отца, хоть убей, не боится.

– А вдруг подстава?

Ну, какой же отец будет рисковать ради дела своей дочерью, пусть и не родной. А «мусора», они ведь не моральные уроды.

– Чушь.

– Я тоже так думаю, – согласилась Киска.

– Ладно, потопал я. – Антон встал.

– К ней лыжи навострил?

– Ну.

– Завидую ей. Такого парня отхватила... А знаешь, ее нет...

– Не понял...

– Нету, пропала, сгинула... Мать у нее померла... Я, кстати, на похоронах была.

– Зачем?

– У нас же свойские отношения с Настенной. Вместе в ресторане шикавали... Да и вообще... Короче, с Костоглодом у нее что-то неладно. Почему я так думаю? Смотрела она на него с ненавистью, когда мать хоронили... А что, может, он ей какую пакость подкинул? А вдруг это он ее мать в могилу отправил? Всякое может быть. Менты, они ведь всякие бывают... Вот я как-то слышала...

– Стоп, вяжи базар... Где Настя?

– Как в воду канула. Ни слуху ни духу... В городе ее нет, это точно. Зуб даю!

В душе все сильнее разрасталась тревога. Куда пропала Настя? Что могло с ней случиться? Ведь сейчас самая пора сдавать экзамены. Какие уж тут отъезды?.. Разве что в случае из ряда вон выходящем.

Короче, ее надо найти. И немедленно!

Антон оставил друзей и направился к ней домой. Дверь открыл ее отец. Красные воспаленные глаза, блуждающий взгляд, разит перегаром. Под майкой бинты.

– Чего тебе? – спросил он настороженно. Через порог, естественно, не пустил.

– Настя мне нужна, – не очень вежливо ответил Антон.

– А больше тебе ничего не нужно? – как от зубной боли скривился Костоглод.

– Я хочу знать, где Настя.

– Слушай, где-то я тебя видел... Да ты же из блатарей... Ты че, охренел? К кому пришел, урка?.. Да я тебя!..

Мент набычился, глаза налились яростью.

– Не пугай – пуганный...

Антон сунул руки в брюки, развернулся на сто восемьдесят и неторопливо стал спускаться по лестнице.

Чхать он хотел на этого «мусора»!

Сзади шумно захлопнулась дверь.

А ведь не тронул, сука легавая!

Куда же все-таки запропастилась Настя? Где ее искать?

Если она дома, рано или поздно выйдет во двор, хотя бы ненадолго. Или в окно выглянет. Словом, даст о себе знать. А что, если этот ублюдок на цепь ее посадил? А может, и грохнул втихую? Ведь верно говорит Киска, среди ментов такие выродки встречаются.

Живую или мертвую, он ее найдет!

Во дворе, куда вышел Антон, на детской площадке под раскидистым тополем собралась веселая компания. Пятеро подвыпивших недорослей в джинсовых куртках, недавние школьники. Хорохорятся перед тремя размалеванными девицами, хихикающими от любой сказанной ими глупости.

Ни он их, ни они его не знали.

– Эй, ты! – крикнул один из них Антону. – Дай закурить!

«Не просит, сука, требует...»

– Не курю.

– А если проверить?

– Заткни хавальник!

Антон сплюнул в его сторону, демонстративно достал сигарету, поднес к губам, чиркнул зажигалкой, закурил и пошел дальше.

Плевать он хотел на этих недоносков. Бояться таких – себя не уважать.

Но и они, видно, не очень-то его боятся.

– Эй, постой! – окликнул его все тот же «джинсовый».

Но Антон даже слушать его не стал.

– Стой! Кому я сказал?.. Стой, козел!

«Козел?!»

Он что, не соображает, что говорит?

Антон остановился, развернулся в его сторону. Его распирали страшный гнев.

– Ты что-то сказал? – зловеще спросил он.

Но «джинсовый» был не робкого десятка. Да и перед девицами нельзя ударить в грязь лицом.

– Козел... Я сказал, что ты козел!

Антон медленно подошел к нему, остановился. Сигарета переместилась из одного уголка рта в другой.

– За базар ответишь. – Он обвел двор взглядом.

Увидел дорогу, ведущую за гаражи.

– Пойдем пройдемся, если не бздишь.

За гаражами он оказался лицом к лицу со всеми пятерыми. Уверенные в своей силе, парни нагло усмехались и потирали кулаки.

– Ну что, козел, побазарим? – продолжая работать на публику, спросил самый прыткий.

– Побазарим, падла!

Антон резко выбросил кулак, ударил обидчика в нос, смял хрящ. Затем ухватил его за волосы, подтянул к себе и приставил к шее рукоять ножа. Послышался щелчок. Это выскочило из «лисиčky» остро отточенное лезвие.

– Мля, уроды! – обращаясь к остальным, сплюнул он. – Отваливайте отсюда. Или вашему корешку бздец.

«Джинсовые» явно не ожидали такого поворота событий. Переглянулись и стали пятиться назад. Их шаг становился все шире. Наконец они не выдержали, побежали.

«Летите, соколы, летите...»

* * *

«Джинсовых» остановил шедший им навстречу Александр Макарович. Он был в форме, и это успокоило их.

– Что случилось? – глядя куда-то за их спины, спросил он.

– Ваньку убить хотят!

– Кто?

– Да бандюга там какой-то. У него нож!

Когда непрощенный гость ушел, Костоглодова заколотила дрожь. Чутье подсказало ему, что этот урка – друг Насти.

Нашла, сука, с кем связаться. Потаскуха хренова!

И этот Хмурый – так, кажется, его кличут – будет разыскивать девчонку. Вдруг найдет? Докопается до истины?.. Нет, допустить этого нельзя.

Надо избавиться от проходимца.

Сам не зная почему, он оделся, вышел из дому, как будто медом ему намазали по следу этого бладаря.

Во дворе он Хмурого не увидел. Зато заметил спины скрывшихся за гаражами парней. Двинулся за ними.

Чутье не подвело его. Кто ищет, тот всегда найдет!

Урка в ярости избивал несчастного. Ножа в руке у него уже не было.

Отлично!.. Теперь Александр Макарович знал, как ему избавиться от приятеля своей дочурки.

– Стой! – Он ускорил шаг.

* * *

Антон отпустил свою жертву и поднял глаза на Костоглодова.

«Черт, легаша тут как раз и не хватало!»

– Отдай нож! – на ходу потребовал мент.

Антон огляделся по сторонам. Пути к отступлению нет. С трех сторон гаражи, стоят вплотную один к одному. С четвертой проходу не дает «мусор»... Эх, блин, не зря же ментов так называют...

Он достал из кармана «перо», обтер рукоять о рубаху, размахнулся и забросил его как можно дальше за гаражи.

Пусть полазят, поищут!

– Я готов. – Он ядовито усмехнулся и протянул Костоглодову сомкнутые руки.

Как будто у того при себе наручники.

Нож он выбросил. Но допускал, что его пусть не сразу, но найдут. И факт избияния налицо. Вон, сидит на земле этот козляра, морщится от боли. Нос ему, кажется, разбил, а это уже увечье. Да еще угроза ножом... Это тоже кое-что значит. Свидетелей куча. Похоже, будет нелегко отвертеться от этого дела... Скорее всего намотают срок.

Но это мы еще посмотрим!..

Да, Антон не ошибся, в райотделе ему тут же стали шить дело. Под расписку не отпустили, бросили в камеру. Через пару дней отправили «париться» в следственный изолятор, в Катайск.

Камера, куда его определили, рассчитана человек на пять, не больше. Но сидели в ней восемь. Теснота, духота, назойливые мухи, вонь от параша... Но бывает и хуже.

Антон назвалса, все как положено. И только после этого направился к свободному месту на нарах.

– Ну вот, будут тут всякие мешать, – недовольно буркнул его сосед, неохотно отодвигаясь в сторону.

Антон промолчал. На него навалилось какое-то равнодушие ко всему происходящему с ним.

– Эй, браток, – поблескивая фиксами, обратился к нему верзила с колодой самодельных карт в руке, – давай перекинемся!

– Я пустой. – Ему не на что было играть.

– А на просто так!

– Моя «просто так» на кон не ставится.

«Просто так» – называют задницу, для дураков. Антон же не дурак и задницей своей рисковать не собирается.

– А ты че, в натуре, до хрена знаешь? – начал вдруг заводиться фиксатый.

Антон недобро прищурился и окатил его ледяным взглядом с головы до ног.

На плечах две наколки. Если верить знакам, уже не раз гостевал у «хозяина». И статьи серьезные. Крепкий, в руках чувствуется большая сила. И не придурок вроде бы... Так почему же выкобенивается?

Ведь видит: перед ним не фраер. И, главное, наехал ни с того ни с сего.

– Я вор, – сказал, как отрезал, Антон. – Две ходки. Так что к нарам не привыкать.

– Спускай штанишки и пузом на нары, если привык. Уж очень мне твоя «просто так» в кайф, – фиксатый все больше наглед.

Пургу несет, явно не зря. И его поддерживают пока что одним лишь молчанием. Слова в защиту вора не скажут. Ждут, когда его опустят, «опетушат»... Нет, что-то тут не так. Наезд не случайный.

Наверняка Костоглод, хрен ему в ухо, подсуетился. К сукам подсунул... А ведь опустят, если он правильно догадался.

Один раз не педераст – «петухом» он, может, и не станет, но уважение потеряет навсегда.

– Не гони... – Голос Антона прозвучал на удивление мягко.

– Скидавай портки, киса!

– Эй, братки, может, кто заступится за честного вора? Может, кто отзовется... Но нет, все молчат. Всей кодлой продались, суки.

– Заткнись! – толкнул его в грудь верзила. Антон пошатнулся, но на ногах устоял.

«Долбаный Костоглод!»

– Все, уже молчу. – Антон покорно расстегнул верхнюю пуговицу на брюках.

Он стоял вполоборота к фиксатому.

Но «молнию» расстегивать не стал. Резким внезапным движением повернулся к верзиле грудью, сжатый до хруста в суставах кулак врезался ему в переносицу.

Враг дернулся, отступил на шаг. И тут же получил коленкой в пах. Согнутого в три погибели Антон схватил одной рукой за ворот рубахи, другой – за штанину. И с силой врезал головой о шершавую стену.

Тот рухнул без сознания.

– Продолжим?.. Суки!..

И понеслось...

Одного Антон вырубил точным ударом в солнечное сплетение, второму перебил кадык. Третий получил страшный удар в «самое не хочу».

На этом все и закончилось. Ударом в висок его самого отбросили в угол камеры. Перед глазами закружилась карусель, все куда-то поплыло. Он потерял сознание.

Но перед этим успел услышать, как лязгнул замок в железной двери.

Очнулся на нарах. Вокруг шум. Голова раскалывается на части. Но больше ничего не болит. Задницу вроде не тронули. Значит, ударили, повалили на пол, и все, оставили в покое. Не опустили.

Он приподнялся на локте и увидел фиксатого. Тот лежал на параше, весь мокрый. Как потом узнал Антон, на него помочился каждый из сокамерников.

– Очнулся, Хмурый... – услышал он голос откуда-то со стороны.

Повернул голову и увидел Глыбу, вора в законе. Было дело, сживали они как-то за одним столом. Серьезный дядя, весь Катайск в кулаке держит.

– Глыба, так это ты вписался за меня? – Антон скупо улыбнулся.

– Я, а то кто же... Попкарь чегой-то напутал, вот и зачалил меня сюда. А тута смута, вора колотят. Да кто? Шныри вонючие! В хавло их всех... – Он злым взглядом обвел камеру. Воцарилась гробовая тишина. – Короче, впрягся я. Знает шушера, кто такой Глыба... У-у, суки! На кума пашут, но меня бояться... А их пидера главного я под струю пустил. Пусть остынет... Надо бы шершавого ему в туза. Ну да ладно, в другой раз... Нет, это ж надо, вора обижать. Сучье вымя!

– Я твой должник.

– Это само собой... Я вот говорю, попкарь с панталыку сбился, к сучарам кинул. А с тобой промашки нет. Кому-то из ментов ты на мозоль наступил. Есть такое?

– Есть...

– Ну ничего, ни одна тварь тебя здесь не тронет. Даже если меня отселят. А это будет скоро...

Как в воду глядел старый пахан. Точно, открылась дверь, и его увели.

Надзиратель будто бы что-то напутал. Может, и так. А скорее всего Глыба сам сюда напросился. Узнал, куда загнали его, Антона. Хмурый он хоть и молодой, но вор, из уважаемых. Ничем себя не запятнал. А таких Глыба в обиду не дает. И те перед ним в долгу не остаются...

Когда-нибудь и Антон окажет ему услугу.

Глыба теперь в другой камере. Но пока он в Катайске, неважно где – на воле или в сизо, – Антону бояться нечего. Вор в законе – это великая сила!

Через месяц был суд.

Злостное хулиганство, нанесение увечий, угроза оружием. Хорошо, хоть до его «подвигов» с квартирами и магазинами не докопались... Словом, загремел он на три года.

И повез его «стольпинский» в дальнюю дорогу, за синие холмы, за высокие горы. Но ничего, зона – еще не конец света. Звонок, он когда-нибудь да прозвенит.

На душе у Антона было беспокойно. Он уезжал из родных краев, а о Насте так ничего и не узнал. Он думал о ней с тревогой. Чувствовал, любить будет ее до гробовой доски.

Глава 4

Настя. 1987—1989 годы

1

Настя сидела в жестком узком кресле и смотрела в окно. Ее взгляд равнодушно скользил по водной глади Черного моря, раскинувшегося внизу, под серпантинном горной автострады.

Длинный красно-синий автобус класса «турист» бодро вез ее из весны в лето, к берегам теплого моря. Ей бы радоваться, она же тосковала. Ведь там, куда обычно едут отдыхать и веселиться, она хотела скрыться, раствориться в толпе.

Она вспоминала, как выбежала из дома и быстрым шагом по затемненной улице двинулась на окраину города.

В ушах живо стоял предсмертный, как ей казалось, крик отчима. И она нисколько не жалела о содеянном. Это справедливое возмездие. Она отомстила за мать.

Но что же дальше? Как быть? Куда податься?

Настя понимала: скоро, очень скоро начнут искать убийцу отчима. Все подозрения падут на нее. Объявят розыск. Неужели она может оказаться за решеткой?.. Об этом не хотелось и думать.

Она выбралась из города, зашагала по проселочной дороге. Путь освещала только луна. К утру добралась до какого-то поселка, увидела фанерную будку автокабсы посреди пыльной стоянки, выдавший вида автобус рядом с ней. Рейсовый автобус готовился выехать в Катайск.

Настя подготовилась к бегству заранее, до своего отчаянного поступка. Предусмотрительно упаковала сумку – сложила в нее белье, платья, туфли... Прихватила и сто двадцать рублей: собственные сбережения из копилки и тайно позаимствованные из кармана отчима. Ведь ему деньги больше не понадобятся, а ей еще как пригодятся.

Она купила билет и, осторожно оглядевшись по сторонам – нет ли погони? – забралась в автобус.

Через час она уже бродила по автовокзалу Катайска. Куда ехать дальше, она не знала. Поэтому села в первый же автобус, готовый к отправлению. И поехала в Тепломорск, небольшой курортный городок на берегу Черного моря.

Все идет как надо. Среди курортников легче затеряться.

За билет она отдала целых пятнадцать рублей. Ощутимый удар по кошельку. Но ничего не поделаешь...

Ехали весь день. К вечеру добрались до моря. Еще два часа, и она в самом Тепломорске.

Солнце уже село за горизонт, но еще не темно. Настя вышла из автобуса, остановилась в нерешительности – куда податься? Что ждет ее в незнакомом городе?

Легкое короткое платье плотно облегает ее стройное тело, подчеркивает плавный изгиб бедра. Туфли на высоких каблуках. Красивая и грациозная. Она просто не может не привлекать к себе внимание мужчин. Особенно курортников, жаждущих пикантных приключений.

– Девушка, вы кого-то ждете? – любезно спросил ее молодой человек в тесных джинсах и коттоновой рубашке.

Его глаза скрывались за темными стеклами солнцезащитных очков. В руках он держал большой, туго набитый чемодан да еще спортивную сумку. Курортник, никаких сомнений.

– Нет, никого, – застенчиво улыбнулась Настя. – Думаю вот, как добраться до города.

Сам Тепломорск от автовокзала отделяло некоторое расстояние.

– О, тогда вам нужен я... Вы здесь впервые?

– Вообще-то да.

– Отдыхать?

– Если получится... В общем, да, отдыхать.

– Так давайте отдыхать вместе?.. Меня зовут Павел...

Кажется, на его рубаху потекут сейчас слюни. Так жадно, с таким аппетитом смотрел он на девушку. Даже непроницаемые очки не могли скрыть его восхищенного взгляда.

– А меня Настя... Но отдыхать я буду одна. Мне, извините, так больше нравится.

– А что, если я возьму вас под свою опеку?

Так совсем недавно говорил ей Антон.

– А именно?..

– Ну, отвезу вас в город для начала.

– Я хочу на такси.

А почему она должна трястись в автобусе, когда ее могут подвезти на машине? Долой ложную скромность! Иначе пропадешь. Наглость – второе счастье, особенно в ее-то положении... Настя начинала новую жизнь.

– Ну конечно! Только на такси!

Павел рад угодить. Не пошел – побежал ловить машину...

Она красива и знает это. Красота – ее оружие. И она им воспользуется. Почему бы и нет? «Я не пропаду!»

Павел оставил при ней свой багаж. Настя невольно взглянула на его чемодан и сумку. Была бы воровкой, ушла бы сейчас с его вещами... Но она не воровка и никуда не уйдет.

А вот и желтая «Волга» – Павел постарался...

Путь до города не занял много времени – всего несколько минут.

– Настя, вам куда? – осведомился молодой человек.

Он, конечно же, взял на себя роль ее сопровождающего.

– Не знаю. Мне куда-нибудь в частный сектор. Хочу снять комнату...

– Могу подсказать, – вмешался таксист, грузный мужчина средних лет. – Есть у меня знакомая. Сдает на лето комнату. Берет недорого... Едем?

– Едем, если недорого...

Знакомой водителя оказалась маленького роста упитанная женщина-гречанка с добрым лицом. На вид ей лет сорок, может, чуть больше.

Жила она в большом, в два этажа, доме из белого кирпича. Первый этаж целиком сдавала квартирантам. Но за комнаты в доме брала дорого. Гораздо дешевле койка в длинном дощатом строении, похожем на сарай, во дворе, в нескольких шагах от дома. Разбитое на комнатухи, оно стояло в ожидании курортников.

Отдыхающих в конце мая не так много, как в самый разгар лета, но половина сараеподобного строения все же занята.

– Вот, пожалуйста, – хозяйка открыла дверь и показала Насте комнатку.

Тесновато здесь. Метра два на три, не больше. Железная койка, тумбочка и вешалка для одежды. Все, больше ничего. Не люкс!

Но ей подходит. Все равно где жить, лишь бы без соседей.

– Два рубля в день.

И это устраивает. Два рубля в день – это, конечно, немало. Но для курорта в самый раз.

– Я остаюсь.

– Тогда вот вам ключ.

Сумку она оставила в машине, поэтому сначала пошла за вещами.

– Может, прогуляемся? – предложил Павел.

Он уже начинает прибирать ее к рукам, будто какую-то собственность. А всего-то подвез на такси. Кто платит, тот и заказывает музыку?.. Нет уж, дудки!

– Ты же еще сам, как я вижу, не устроился.

– Да я в пансионат приехал, на все готовое. Раз-два, и все дела. Никаких проблем. Через час могу быть здесь...

– Можно, я сегодня побуду одна? Если хочешь, встретимся завтра...

– Завтра так завтра. Только обязательно. Когда встретимся?.. Может, прямо с утра? Пойдем на пляж, на песке поваляемся, пепси попьем...

– Нет, встретимся вечером, не раньше. У меня дела. Так что извини...

Хозяйка могла завести с ней разговор. Кто такая? Откуда? Почему одна? Покажи паспорт... Ну и все такое прочее. И Настя этого боялась.

Но опасения были напрасными. Гречанке, похоже, эти вопросы совершенно не приходили в голову. Плати и отдыхай на здоровье.

Тело ломило от усталости. Глаза слипались – хотелось спать. Но сон не шел. Мешали мысли. Тяжелые, гнетущие. Как жить дальше? Что делать, когда закончатся деньги? Что с Денисом? Как он будет жить без нее?..

Странно, она почему-то не боялась милиции. Ну не могут ее арестовать. Не могут, и все! Разве она преступница какая... Убила отчима? Так это только во благо всем... Хотя она, конечно, преступница. Перед законом ведь все равны. Но ее не найдут – она уверена в этом, внутренний голос подсказывает...

Уснула Настя только под утро.

Глаза открыла только к обеду. Пора позаботиться о своем желудке.

Конец мая. Курортный сезон, можно сказать, еще в самом начале. Но очередь в общепитовской столовой длинная. Обед ей обошелся в полтора рубля. Снова удар по кошельку. А если еще завтракать, ужинать... Из экономии она решила только обедать, и все.

А после обеда новая трата. Она купила купальник. Жаль, не взяла из дому. А без этого пустякового атрибута курортной жизни кто поверит, что она приехала в Тепломорск отдыхать? Надо вести себя так, чтобы не обратить на себя внимание «доброжелателей».

Вечером появился Павел. Все в тех же джинсах, но уже в белой шелковой рубашке, гладко прилизанные волосы, довольно симпатичное лицо. Улыбка галантного кавалера. Посмотрим, как он справится с этой ролью.

– Настя, а что, если нам пойти с тобой в бар? Ты не против?

Ага, сегодня он с ней уже на «ты», вчера говорил «вы». Но так, пожалуй, лучше.

– Это далеко?

– Да нет, не очень... Посидим, послушаем музыку, выпьем по чуть-чуть. Расслабимся, короче.

– Я не против.

А почему она должна быть против? Разве она монашка какая?

В баре «У моря» шумно, весело. Громко звучит музыка. Они выбрали сектор под открытым небом – в зале душно и накурено.

Павел посадил ее за стол-пень на стул-пенек. Сам направился к стойке бара за коктейлем. Вернулся скоро с двумя полными стаканами. Принес также бумажную тарелочку с двумя пирожными, для нее.

Как кстати! Ведь она сегодня без ужина.

– Сладкое тебе, спиртное нам обоим.

Усаживаясь рядом с ней, он обворожительно улыбнулся.

«А он, кажется, неплохой...»

Коктейль из шампанского Насте понравился. Сладкий, пьется легко. Но не слабый. После нескольких глотков голова приятно закружилась. На душе полегчало. Беды и горести жизни куда-то отодвинулись.

– Ну как, нравится? – подмигнул ей Павел.

Она кивнула.

– Если уж отдыхать, то по полной программе...

Примерно то же самое говорил ей и Антон. Но тот водил ее в солидный ресторан, не в какую-то дешевую забегаловку курортного типа. Впрочем, и здесь неплохо...

Рука Павла легла на ее коленку.

Она почувствовала волнующее тепло. Так же когда-то к ней прикасался Антон.

Как хорошо было ей с Антоном! Какое это чудо – его ласки! Нежный, любящий... Неужели она больше никогда не увидится с ним, никогда его не встретит? Никогда не ощутит на себе его жаркое прикосновение?

Она женщина. И как ей быть, если иной раз ее одолевает тайное желание, хочется еще раз взлететь на вершину сладострастного блаженства?

Но такой полет с первым встречным опасен. Если она не возьмет под контроль свои чувства и желания, то может незаметно перейти в разряд легкодоступных девиц. Сегодня она переспит с Павлом, завтра – с его приятелем, послезавтра – еще неизвестно с кем. И тогда не оставишься... Нет, эти игры не для нее. Она убрала со своей коленки мужскую руку.

– Если хочешь, можем потанцевать, – чтобы сгладить неловкость, предложила она.

Что-то, а танцевать Настя умела. Семь лет занятий в балетной студии не пропали даром. Ее гибкое, пластичное тело было послушно ритмам современной музыки. Так подчиняются струны смычку талантливого скрипача.

Когда она выходила на танцплощадку, все смотрели только на нее. Так было и сейчас.

Она полностью отдалась музыкальной стихии. Как она танцевала!

Краем глаза из толпы танцующих она выхватила молодого человека, ей незнакомого. Среднего роста брюнет со смуглой кожей, лицо широкоскулое. Он показался ей красавцем. А как он смотрит на нее! Прямо ест ее глазами!

Настя подумала так и тут же забыла о нем. Не до этого ей сейчас!

Не интересовал ее и Павел. А тот дрыгал руками, ногами, мотал головой. И самодовольно поглядывал на нее. Будто она его собственность...

Бар закрывался, пора и честь знать.

– Может, прогуляемся по пляжу? Здесь рядом, – предложил он. – Ничего нет красивее ночного моря.

Они сидели на дощатых лежаках, в двух шагах от моря. Рука Павла обвила ее за талию. Его губы подобрались к уху, захватили сережку.

Она ощутила сладкую истому. Но тут же справилась с собой.

– Мне пора – поздно уже. – Она отстранилась от Павла, скинула с себя его руку, поднялась на ноги. – Ты меня проводишь?

– Угу, – недовольно буркнул отвергнутый кавалер.

Он не настойчив, и это хорошо.

Утром Настя проснулась рано. Спать не хотелось. Но она заставила себя закрыть глаза. Хороший сон заменяет еду. Где-то она слышала эту не столь затейливую мудрость. А есть от этих мыслей захотелось еще больше. Однако она должна быть экономной.

В столовую Настя пошла только в обеденное время.

Возвращаясь, в дверях хозяйского дома она увидела того самого брюнета из бара. Как и вчера, он жадно смотрел на нее.

Настя скользнула по нему равнодушным взглядом и скрылась в своей каморке.

Вечером зашел Павел. Снова повел ее в тот самый бар. Принес коктейль, но угощать пирожными не стал.

На предложение погулять у моря она ответила отказом. Опять ведь приставать начнет. И на этот раз ему пришлось довольствоваться лишь прощальным поцелуем в щеку.

По такому же примерно сценарию прошли еще три вечера. В конце концов терпение Павла лопнуло.

Дорога, по которой он провожал Настю домой, пролегла вдоль небольшой реки. Где-то на середине пути река эта проходила по безлюдным местам, среди густых зарослей кустарника.

Именно в этом месте Павел остановился, грубо развернул ее лицом к себе. Его сотрясала злость. Глаза лихорадочно блестели.

– Ты чего? – испугалась она.

– А ты чего? – в бешенстве закричал он. – Какого хрена ты делаешь из меня идиота?.. Я тебе что, мальчик?.. Ты же прекрасно знаешь, что мне от тебя надо... Думаешь, я просто так плачу за тебя? Пьешь, жрешь за мой счет, сука, а взамен ничего!

– Много же я выпила? – Насте стало противно.

– Молчи, тварь!

И он со всей силы хлестнул ее ладонью по лицу. Потом грубо схватил за волосы и потянул в кусты.

Она вырывалась, но новые удары по лицу охладили ее. Он грубо швырнул ее на траву. Она упала, но сразу начала подниматься.

Еще один удар снова опрокинул ее наземь.

И тут же послышался хруст разрываемой ткани. Это распалось надвое шелковое платье. Она осталась в одних трусиках.

Настя лежала на земле и с ужасом смотрела, как в лихорадочной спешке Павел расстегивает ремень, чтобы снять брюки.

– Раздвигай ноги, шлюха!

Он навалился на нее всей тяжестью своего тела. А Настю будто прорвало. От ярости она почувствовала в себе такую силу, что сейчас могла гору свернуть.

Она с силой оттолкнула от себя насильника. Еще одно усилие, и она отбросит его подальше.

Павел тоже в бешенстве замахнулся для нового удара. Настя приготовилась перехватить его руку, но это сделал кто-то другой. Послышался звук удара, и негодяй откатился в сторону.

– Поднимайся! – Из темноты кто-то протянул ей руку.

Затем она увидела лицо. Знакомое лицо. Перед ней стоял тот самый брюнет из бара, сын ее хозяйки. Настя доверчиво приняла его помощь и поднялась с земли. Взгляд его восхищенно скользил по ее обнаженному телу.

Он подобрал с травы ее разорванное платье и протянул ей.

Она послушно взяла платье, набросила на грудь.

– Что ты с ним сделал? – спросила она, равнодушно посмотрев на распростертое тело Павла.

– Не бойся, с ним ничего не случится. Скоро очнется. Пойдем, я тебя провожу.

Он проводил ее до самых дверей комнатки, где она жила. На прощание не сказал ни слова. Только поцеловал руку.

Вот это благородство!

2

Настя опять проснулась рано. И, как ни старалась заставить себя заснуть, это не получалось. Воспоминания о вчерашнем вечере не давали покоя.

Недавно из такой же беды ее выручил Антон, наказал «ломщиков». И она привязалась к нему, полюбила. И нисколько о том не жалеет. И черноглазый брюнет так же вовремя пришел ей на помощь. Наверное, и он такой же добрый и благородный, как Антон. Скорее всего это именно так.

Интересно, как его все-таки зовут?

Глупо, что она не узнала это вчера... Но ничего, еще узнает. Она поднялась с постели с одним лишь желанием – снова встретиться со вчерашним героем.

Перед зеркалом она прихорашивалась внимательнее и дольше обычного. Уж очень хотелось предстать перед новым знакомым во всей красе.

И она опять ошеломила его, появившись во дворе дома в коротком сарафане. Глубокий вырез сзади, открытые ноги, распущенные волосы, легкий налет косметики на красивом лице. Полные упругие груди заманчиво бугрятся под почти что прозрачной тканью. Красавица!

Он стоял на пороге своего дома и смотрел на нее во все глаза. Когда она подошла к калитке, он направился вслед за ней.

– Можно я вас провожу?

Она сразу отметила, что он говорит ей «вы».

– Но вы не знаете, куда я иду, – приветливо улыбнулась она.

– Вот и узнаю... Или нет?

– Узнаешь. – Насте надоел возвышенный тон их разговора. – В столовую иду. Ничего романтического, правда?

– Святая правда... А если мы заглянем в другое место? Я, например, знаю одно кафе. На завтрак там подают цыпленка табака.

– Но...

– Все за мой счет.

– Один уже платил за меня. Только после этого требовал благодарности. Сами знаете – какой...

– Не бойся, я не потребую...

На лице у него ни тени улыбки – говорит серьезно.

Его звали Стасом. Распространенное имя в среде обрусевших греков – а он грек.

Ему уже двадцать. На столько он и выглядит. Но глаза... По глазам ему можно дать и больше. Даже когда он улыбается, глаза остаются серьезными. Они будто видят насквозь.

– Я хочу знать о тебе все.

Настя и Стас сидели за столиком в кафе. Он смотрел ей в глаза. Гипнотизирует ее, что ли?

– Кто ты? Почему оказалась здесь?

Он не просил ответа – он требовал.

– Ну что за вопрос. Отдыхать приехала... – Она искусно удивилась его вопросу.

– Что-то тут не так... Я хочу знать всю правду...

Проницательный взгляд. Настойчивость. Ей становилось не по себе... И зачем она с ним связалась?

– Убежала от родителей...

Правду из нее вытащить не так-то просто.

– И от милиции... – добавил он.

Настя попыталась сохранить самообладание. Но не смогла. Она испугалась. И это не осталось незамеченным.

– При чем здесь милиция? – вызывающе спросила она.

– Что ты натворила? Почему тебя ищут?

От его взгляда некуда деться. Он и в самом деле видит насквозь... Да кто он такой? С какой это стати будет она его бояться!

– Плевать я на тебя хотела...

Настя сама не ожидала от себя такого грубого выпада. Защитная реакция?.. У нее есть выход, он прост. Нужно просто подняться и уйти... Ну и тип!

Она поднялась из-за столика. Небрежно вытащила из сумочки пятерку и положила ее в стакан с салфетками.

– За себя плачу сама!

И смело посмотрела ему в глаза.

«На-ка, выкуси!»

Но Стас на нее не смотрел. Его взгляд устремлен куда-то в сторону. Он что, уже не обращает на нее внимания?

Задетая его равнодушием, Настя поджала губы, повернулась к нему спиной и вышла. Он же этого будто и не заметил.

Каково же было ее удивление, когда она увидела его в своей каморке.

Он скромно сидел на единственном стуле и спокойно вертел в руках ключ от входной двери.

– Извини, если что не так. Я просто хотел тебе помочь.

– Помочь?.. Чем?

– Ты скрываешься. Тебе наверняка нужны деньги. А как устроиться на работу?.. Так, чтобы не засветиться?

Настя посмотрела на него уже с интересом.

– Короче, я могу помочь тебе с работой. С нелегальной, конечно.

– Да что ты... – скептически улыбнулась она.

Но присела на краешек кровати, приготовилась слушать.

Интересно, что он предложит?

– Ты слышала когда-нибудь о стриптизе?.. Это медленное раздевание под музыку, на глазах у публики.

«Ну, конечно же, ничего путного предложить он не может...» Насте стало страшно. Что будет, если она откажется?

– Ты хочешь, чтобы я этим занималась?

– А что?.. – Глаза Стаса смотрели на нее, как всегда, серьезно. – Танцуешь ты отлично. Видел тебя в деле. С раздеванием, думаю, проблем не будет...

– Вот с этим-то как раз проблемы и будут... Дело в том, что я не собираюсь раздеваться... И потом, ты же сам сказал, что меня ищет милиция. А ты предлагаешь мне раздеваться на глазах у публики. На глазах! Меня же могут узнать...

Настя старалась говорить спокойно. Не хотелось обострять с ним отношения. Она уже чувствовала свою от него зависимость... Только она все равно не собирается сдаваться.

– Тебя узнают, когда я натравлю на тебя ментов!

Ну вот, так она и знала. Шантаж!

– Ладно, не бойся...

Ну почему он разговаривает с ней так, будто уверен в своей над ней власти?

– В обиду я тебя не дам... А насчет того, что узнают, это тебе не грозит. Не та публика, чтобы кого-то закладывать. И, чтобы ты знала, здесь, в Тепломорске, все в моих руках. Все!.. Выступать будешь в таком месте, о каком менты и слыхом не слыхивали. А клиентура сплошь из отдыхающих. Богатых отдыхающих! Такие все чаще заглядывают к нам в Тепломорск. Времена меняются... Ты соглашайся, не пожалейся. Платить буду долларами. Ты, наверное, о них только слышала. Или уже видела?

– Ты что, издеваешься?.. Не хочу я на тебя работать. Не хочу и не буду. Что я, шлюха какая-то?.. И вообще, с чего ты взял, что мне нужна работа? И разве я говорила тебе, что от кого-то скрываюсь? Я убежала от родителей. И возвращаюсь к ним!.. Все, привет!

Настя снова потянулась за сумкой, бросила ее на кровать. Не обращая на Стаса внимания, принялась собирать вещи.

С какой стати ей бояться этого проходимца с пронзительным взглядом! Подумаешь, милицией напугал. Да у него самого, конечно же, рыльце в пуху... Да пошел он к черту!

И тут она догадалась – он ее гипнотизирует. Но она не поддалась чарам черных глаз.

Понял это и сам Стас.

Да, эта красотка может оказаться ему не по зубам. Устойчивая психика! А на первый взгляд такая хрупкая... Такие гнутся, но не ломаются... Она рождена для стриптиза. От клиентов не будет отбоя... Надо менять тактику...

– А хочешь, я покажу тебе свои работы? – спросил он как ни в чем не бывало, когда девушка уже окончательно собиралась уходить.

Его голос стал каким-то задушевым. Настя остановилась как замороженная. Обернулась.

Стас обаятельно улыбался. Улыбались даже его глаза, эти, как ей только что казалось, бесчувственные ледышки. А как он красив! И сейчас просто воплощение любезности и обходительности... Может, зря она с ним так груба?

– Ты только не думай, что о стриптизе я всерьез. Я просто хотел тебя проверить...

– Ах так! И что у тебя за работы?

– Видишь ли, я художник. Живописец. И с натурой работаю... Словом, сейчас я ищу натурщицу. Но мне не нужна шлюха, пусть даже и красивая. Для моей новой картины нужна девушка целомудренная. Вот я и хотел проверить тебя. Ты очень подходящая натура. Я хочу тебя рисовать, буду за это хорошо платить... Так ты хочешь посмотреть мои работы?

Стас не лгал. Он и в самом деле был художником. Под студию приспособил свою комнату, светлую, просторную. На стенах висели картины.

Высокий мускулистый мужчина в узких плавках готовится к заплыву на дальнюю дистанцию. Пловец. Другой мужчина, не столь крепкий, но стройный, подтянутый, держит по ветру парус. Яхтмен. Мужчина-курортник. Мужчина-спасатель. Мужчина-аквалангист. Почему одни только мужчины? И все в одних только плавках, почти голые. Не странно ли это?

– Хочу выразить в своих картинах и физическую силу, и волю к победе. А все это, считаю, есть только в мужчине.

Он, похоже, уловил ход ее мыслей.

Настя могла бы поспорить с ним насчет силы и воли, но не стала. А картины ей нравились.

– Тебе нравится обнаженная натура?

– Совершенно верно, – улыбнулся он. – Но совсем голыми их рисовать не стремлюсь. Могут не так понять... Но мужчины – это пройденный этап. Пора уже браться за женщин. За таких милых и прелестных девушек, как ты. За невинных и целомудренных.

– Я буду в купальнике?

– Вообще-то я хотел бы рисовать тебя полностью обнаженной. Обнаженная женщина – это совсем не то, что обнаженный мужчина. Люди умеют ценить женскую красоту... Но ты, конечно, откажешься работать совсем без одежды...

И Стас посмотрел на нее так застенчиво, так трогательно. На какое-то мгновение ей даже стало жаль его, как малыша, у которого отобрали любимую игрушку. И ей захотелось сделать ему что-нибудь приятное. Почему бы не раздеться совсем?... Ну что здесь особенного? Ведь натурщицы раздеваются и позируют художникам.

– А если не откажусь?

Она согласилась «работать» в обнаженном виде. За это он обещал платить ей по десять рублей в день. Большие деньги!

* * *

Настя позировала Стасу уже три дня.

Она сидела, лежала, стояла перед ним, и все время без одежды. И при этом испытывала тайное удовольствие.

Но он, похоже, не испытывал ничего.

Хоть бы раз взглянул на нее как на женщину, красивую, сексуальную. Да, он постоянно восхищается ее красотой, совершенством ее линий. Но смотрит при этом на нее как на статую. Как будто перед ним бесплотный, неодушевленный предмет.

Он смотрит на нее глазами художника. А она хочет, чтобы он посмотрел на нее как мужчина.

Нет, она не шлюха, не падшая женщина. У нее есть понятия о женской чести и гордости. Пусть она уже и не девственница, но в ее мыслях нет греха. Она не собирается путаться с каждым встречным...

Но Стас не каждый встречный. Она его знает. Он нравится ей. Даже очень... И если бы он хорошо попросил, она бы, наверное, ему уступила.

Только он не просит. Ни по-плохому, ни по-хорошему. Никак!.. Интересно, почему?

Она на него не в обиде, но в ее душе борются противоречивые чувства.

И все-таки Стас молодец! Не пытается затащить ее в свою постель. Если бы все мужчины были такими!

Сегодня она позирует уже четыре часа. Устала, пора бы и отдохнуть.

– На сегодня хватит, – сказал он, складывая кисти.

Да он читает ее мысли!

Все-таки с ним легко. Он понимает ее сразу. Настя быстро оделась и собралась к себе.

Как она благодарна ему!..

– Расслабиться не хочешь? – как бы между прочим спросил он, при этом даже не взглянув на нее.

– Как?

– Травка у меня одна появилась...

– Какая еще травка?

– Конопелька... Анаша. Ты что, не слышала о такой?

– Ты что, меня совсем за дуру принимаешь? Это ведь наркотик!

– Да что-то в этом роде. Но травка слабенькая. Это скорее баловство, чем наркотик. Но вроде бы расслабляет... Да ты меня не слушай. Это я просто так сказал. Знаю, что откажешься.

– А вдруг не откажусь?

Да почему она должна воротить нос? Почему бы не побаловаться? Ведь, как гласит народная мудрость, в жизни нужно попробовать все. Или она не права?.. Тем более анаша – это баловство, не больше. Так сказал Стас, а ему верить можно.

Но баловство на деле обернулось неприятностью. Сначала ей стало весело. Прямо-таки распирало от дурацкого смеха. Затем ей стало плохо, до тошноты. Ее вырвало прямо в комнате. Комнате Стаса.

– Ничего, такое случается в самом начале. Потом привыкаешь и получаешь только удовольствие, – сказал ей Стас на другой день. – Но тебе привыкать ни к чему. Это баловство не для тебя...

Он даже не оторвал глаз от мольберта.

– А это затягивает?

– Если честно, то нет. Затягивает марихуана, опий. Это уже серьезные наркотики. А остальное все так, для расслабления, для настроения.

Настя ему верила.

– А можно я попробую еще раз?

Это гордость заговорила в ней. Нет, больше ее не стошнит... Да и дома вечерами хочется забыться, ни о чем не думать.

И точно, на этот раз, как и обещал Стас, Настя получила от «безобидной» травки куда больший кайф.

Ей было хорошо, очень хорошо. Мир предстал перед ней в радужном свете. Все беды ее и горести ушли куда-то далеко-далеко в прошлое. Казалось, их и не было никогда. Как хорошо и легко жить на свете!

А какие ей снились сны! Хоть не просыпайся. Никогда она не чувствовала себя такой счастливой, как в этих снах.

Больше Стас травки ей не предлагал. Она просила сама. И всегда получала. Бери, если есть. А травка у него есть всегда...

Она восхищалась его щедростью. Какой он добрый, заботливый. Как она благодарна ему!

– Ты еще не устала от кайфа? – как-то спросил он. – Может, хватит?

– А что, думаешь, затянет? Думаешь, не смогу обходиться без травки? – забеспокоилась она.

– Да нет, что ты. Я вот уже много лет курю, и не затягивает. И тебя не затянет... Только вот ты по утрам слишком сонная. Это мешает работе.

– Ну если только это... Обещаю тебе, сонной больше выглядеть не буду... Скажи, а есть что-нибудь круче анаши, но тоже безобидное?

Ее прямо-таки распирало любопытство.

– Есть. Героин, например.

– Так к нему же вроде как привыкают...

– А-а, сказки, детей пугать. Я же не привык. А ведь нет-нет да кольнусь... А что, хочешь попробовать?

– Ну, если это не затягивает...

– А ты сомневаешься?

Нет, Настя не сомневалась. Она привыкла ему верить. Даже самой себе так не верила...

По сравнению с героином анаша показалась детской забавой.

Вот это кайф так кайф! Благодаря этому чудесному порошку она легко взбиралась на самую вершину райского блаженства. Нигде и никогда не будет так хорошо, как там, в этом открывшемся перед ней мире.

И как она раньше жила без этого чуда с таким замечательным названием – ГЕ-РО-ИН!

Как она жила без Стаса?

Во всех ее радужных снах он являлся ей в образе ангела с большими белыми крыльями... Ну разве он не ангел? Разве он когда-нибудь отвернется от нее? Откажет в нескольких каплях драгоценной жидкости, которую готовит сам своими заботливыми руками?

Нет, ей он не откажет никогда!

3

– Я хочу ширнуться! Ты слышишь меня, хочу! – Она стояла перед своим кумиром, этим «ангелом-хранителем», и смотрела на него умоляюще-преданными глазами.

Этим взглядом, наверное, можно размягнуть даже камень.

– Ничем помочь тебе не могу. – Стас оставался тверд. В его глазах застыл ледяной холод.

– Но я хочу!

Настя была близка к истерике.

Как же она сможет дожить до конца этого дня без волшебного укола? Стас лишает ее того, чего она желает больше жизни!.. Нет, в это просто нельзя поверить... Неужели Стас на такое способен?

Нет, ну, конечно же, нет! Он просто шутит...

Но ему, кажется, не до шуток.

Он наконец-то добился того, чего хотел. Эта строптивая красотка стала рабыней наркотика. А значит, его рабыней.

Где ей достать героин, как не у него? Где еще она сможет найти сбытчика столь редкого и ценного товара? Без связей в этом деле не обойтись. А у него есть связи, большие связи...

Для нее он царь и бог, разве не так? Она целиком принадлежит ему, молится на него!

– За товар нужно платить, – безжалостно изрек он, растапывая бедняжку тяжелым взглядом.

– Сколько?.. Сколько нужно? – Настя потянулась к сумочке.

– Не ищи, у тебя таких денег нет, – остановил он.

– Но, может, ты сможешь мне заработать... – Она лихорадочно соображала, пытаясь что-нибудь придумать. Нужно торопиться – в любой момент Стас может уйти. Уйти по своим делам. Как он это делает каждый вечер. И тогда она останется ни с чем. У нее исчезнет тогда даже надежда на спасительный укол.

– О'кей! Я дам тебе такую возможность. – Он посмотрел на нее как на ничтожество. – Ты помнишь, я предлагал тебе стриптиз...

«О нет, только не это!» Настя похолодела. Но тут же судорожно ухватила за его предложение.

А почему бы и не заняться стриптизом? Почему бы не выставить свою наготу на обозрение? Ее тело, говорят, очень красиво. Так пусть же восхищаются им. Пусть восхищаются!.. Ведь ее не будут лапать руками...

Ей будут платить деньги, хорошие деньги! А это значит, что можно уколоться, когда захочешь.

– Ты говоришь, стриптиз...

– Он самый...

– Ну ладно, я согласна... Только под твоих клиентов я ложиться не собираюсь...

– Конечно же, нет, милашка!

Стас по-хозяйски потрепал ее по щеке.

* * *

Вот и настал час, когда Настя вышла на маленькую, в форме круга, сцену какого-то непонятного заведения на дальней окраине Тепломорска.

«Стриптиз-бар» – так называл его Стас.

Он любил деньги. У него был просто культ денег. Мало того, он всегда знал, где их взять, и умело брал.

Сейчас время расцвета так называемого кооперативного бизнеса. Все законные сферы обслуживания курортников распределены между конкурирующими фирмами. Но существует и теневой бизнес, очень прибыльный.

Чего хочет богатый отдыхающий? Перво-наперво девочку. Красивую, податливую, а если еще и в постели хороша... И Стас тут как тут. Натяните вам, получите красоточку! И без расписки. Пользуйтесь на здоровье... Клиент доволен – деньги в кармане!

А если курортнику некуда девать свои сбережения? Если ему, этому денежному мешку, хочется перекинуться в картишки?

И снова на выручку приходит вездесущий Стас. Нет, он не подсовывает богатенькому Буратино Алису и Базилио, не пытается «кинуть» его. Он просто организует ему компанию таких же скучающих толстосумов. Играйте, пожалуйста!.. Но не забудьте про комиссионные. А что, разве я не заслужил?

Находятся и такие, кому в охотку побаловаться травкой, а может, и чем покруче. И тут без Стаса не обойтись. Есть у него всегда запас наркоты на все вкусы. Почему бы и не поделиться?.. Ах да, извините, что не бесплатно!..

Поначалу он работал один. Но одному всего не объять. Это он понял почти сразу. Тогда и собрал вокруг себя толковых ребят, научил их кое-чему.

Дело завертелось. Прибыль росла. Правда, и расходы увеличились. С Горбатым, местным авторитетом, поделись, чтобы не забывал, чтобы помог, если вдруг какая беда. А менты? Как не закрыть им глаза хрустящими купюрами?.. И берут, и смотрят на его «творчество» сквозь пальцы. А что, разве они не люди? Разве им не хочется жрать?

Стриптиз-шоу – новая идея Стаса.

Нашел подходящее помещение, подобрал зрителей – таких хватало, даже с избытком. Главное же в этом деле – хорошая женщина. Желаящие нашлись. Но желание – это одно, а вот умение – совсем другое. Если бы он не встретил случайно Настю, сейчас бы на сцене извивалась какая-нибудь посредственность. Только бы клиентов отваживала...

Все, дело сделано. Стропивица у него в руках. Посмотрим, на что она способна.

На пробах все получалось просто превосходно. Теперь посмотрим, как все будет на публике, не засмущается ли?

Он любил делать все по высшему разряду. Выше класс – больше денег. Простейшая арифметика!..

Перед выходом на сцену Настя вдохнула маленькую щепотку порошка. Это для нее спасение. В голове прояснилось, на душе полегчало. Хотелось летать! А танцевать еще больше...

Она будет танцевать долго, до самозабвения. Придется сбросить с себя одежду. Но стоит ли придавать этому значение! Так только легче двигаться по сцене. Ничто не будет сковывать движения.

Стас смотрел на Настю и довольно улыбался.

Прежде всего он восхищался самим собой. Молодец, нашел настоящий алмаз, не стекло. Отшлифовал, заставил сиять. Не жаль потраченного труда, героина и времени.

Глядя, как тащатся от голой Насти зрители, он невольно притронулся к своему карману. Да, скоро сюда ляжет новая пачка «хрустов».

Эта наркоманка стала для него золотой жилой!

* * *

Успех у Насти был небывалый. Публика сходила с ума. От желающих попасть на ее стриптиз-шоу еще и еще раз не было отбоя. Плата за вход в первый месяц увеличилась вдвое, затем втрое, а к концу лета – в пять раз.

Но жила она по-прежнему в бедности. Стас нещадно эксплуатировал ее, заставлял выходить на сцену по нескольку раз за ночь. И при этом ничего не платил. Койка в каморке рядом с его домом, немного еды да героин. Все, больше за свой каторжный труд она ничего не получала... Зато получала самое теперь для нее главное – наркотик. А без него жизнь для нее – это уже не жизнь.

Хорошо хоть Стас не подпускает к ней мужиков. А многие зверели от вида ее обнаженной плоти. Находились такие, кто предлагал ему за ночь с ней пятьсот и более рублей. Большие деньги. Но он упрямо мотал головой.

За ту же ночь на сцене Настя приносила ему большой, да и к тому же регулярный доход. А днем он трогать ее не мог. Она должна выспаться в дурмане наркотического сна, чтобы ночью на сцене не валиться с ног от усталости.

Но он и сам не прикасался к ней. А ведь она, готовая ради дополнительной дозы наркоты на все, с легкостью отдалась бы ему.

Да только он ее не хотел. Почему?.. Вскоре она узнала ответ. Он был «голубым». Она нечаянно застала его в пикантной позиции с неким Артуром...

* * *

Артур Кантаров, осетин по матери и русский по отцу, считал себя бисексуалом. Он был равнодушен и к мужчинам, и к женщинам.

А к Стасу, к своему старому знакомому, приехал не только из-за него самого. Собирался перенять кое-какой опыт в бизнесе.

Вот, например, стриптиз-бар. На «загнивающем Западе» такой штукой не удивишь никого. Они там на каждом углу. И полиция не гоняет. А здесь, в Союзе, это пока еще в диковинку. Многие мужики только слышали о таком чуде. Но лучше один раз увидеть... Вот и валит народ в такой бар толпами.

Он, Артур, наверное, тоже в следующем сезоне устроит подобное шоу. Сейчас уже поздно – осень на дворе. И бар у него подходящий есть, и девок грудастых подыщет. Одна беда – менты не хотят смотреть на это дело сквозь пальцы. Но с ними всегда можно договориться. Стас тому пример. Только отстегивать не забывай...

Он сидел за маленьким столиком совсем близко от сцены. Посреди нее, входя в потолок, торчал металлический шест.

На сцене, размахивая, как флагами, обнаженными сиськами, крутилась длинноногая, коротко стриженная девица.

В искусстве танца она явно не преуспела. Да и сексуальная энергия не очень высокого напряжения. Фигура вроде бы ничего, и попка – высший класс!.. Ага, вот она, виляя задом, стягивает с себя трусики.

Это, конечно, интересно. Но почему в штанах от этого не становится тесно?

Но вот на сцене появляется она, та самая Настя, краса и гордость стриптиз-шоу. Как лихо она вытанцовывает, какая пластика движений!

Вот она скидывает с себя серебристую курточку, а под ней лифчик, такой же серебристый, и трусики. Какая фигура! Просто блеск! А как красива! Ну, настоящая царица!

Она прямо-таки лучится волнами сексуального магнетизма. Они усиливаются, когда она начинает виться вокруг шеста, прижиматься к нему зазывно выпирающим лобком и тугими полными грудями.

– Так, говоришь, она крепко сидит на игле? – уточнил Артур у Стаса.

– Крепко, месяца три уже... На героине, – кивнул он.

– А выглядит свежо. Ни морщинки на лице, ни пятнышка под глазами.

– Главное, правильная дозировка. И отдыхать я ей даю. На износ она у меня не работает.

– Что думаешь делать с ней дальше? Сезон ведь заканчивается. Некому будет скоро ходить в твой бар...

– А-а, законсервирую до следующего сезона... Она у меня ручная. Кроме меня, у нее никого нет.

– Будешь продолжать держать ее на игле, да еще на героине, она у тебя к следующему лету может потерять товарный вид. Кто-то на героине, сам знаешь, годами сидит, и хоть бы что. А кто и за месяцы рухлядью становится...

В это время Настя скинула с себя лифчик. Ее длинные изящные пальчики запорхали, легко касаясь набухших сосков.

Артур тяжело перевел дух.

– А держать ее придется. – Стас задумался.

– А как она в постели?

– Не знаю, не пробовал.

– А кто пробовал?

– Никто.

– Да неужто никто?

– А на кой хрен мне под мужика ее бросать? Доход урезать?

– Ну да ладно, если трахаться не умеет – научим... Короче, есть предложение...

Настя повернулась к Артуру спиной, выгнулась кошкой и выставила на обозрение свои аппетитные ягодички. Руки потянулись к бедрам, привычным движением нащупали тесемки на трусиках.

Вот она развернулась к нему спиной, сверкнула затуманенным взглядом и медленно стала приседать. Кусочек серебристой ткани, закрывающий то самое место, отлетает в сторону.

В штанах у него стало невыносимо тесно.

– Что за предложение? – нетерпеливо спросил Стас.

– Есть задумка снять порнофильм. Можно несколько...

– А как со сбытом?.. Видики, они еще пока вроде как в диковинку.

– С этим все в порядке. Клиенты есть. По две сотни за кассету готовы отвалить. А это, мой друг, хорошие деньги!

– Да, совсем неплохо...

– А если подключишься еще ты, клиентов будет больше. И бабок соответственно...

– А на главную роль ты, конечно, хочешь Настю?

Стас задумался. В его глазах появились огоньки алчности.

– Да, хочу сделать ее звездой, – похабно улыбнулся Артур. – Порнозвездой!

– Сколько я буду с этого иметь?..

* * *

Бархатный сезон заканчивался. Все реже выпадали солнечные деньки. Все холоднее становились воздух и море. Пляжи опустели. И вот настал день, когда в стриптиз-баре не стало клиентов. Настя потеряла работу.

– Как мне быть дальше? – спросила она Стаса. Ее руки тряслись от страха. – Ты не бросишь меня?

Кто наполнит жизнью шприц?.. Как она будет без этого жить?

– Не бойся. Без героина не останешься. Только работать придется.

– Ты же знаешь, я согласна на любую работу.

– Это хорошо. Только вот работать будешь не у меня. У моего приятеля. Он позаботится о тебе. И героин у него есть...

Настя согласно кивнула.

Какая разница, у кого работать? Она за любое дело возьмется. Только бы всегда был полон шприц.

И все же когда она узнала, на какое дело ее толкают, то в очередной раз ужаснулась.

Сниматься в порно? Трахаться черт знает с кем, да еще перед камерой? И как? С двумя, тремя мужиками сразу?

Но в машину, увозящую ее в соседний город, она села послушно. Страх остаться без дозы оказался сильнее стыда.

Всю дорогу она плакала. Тяжело сознавать свое полное бессилие перед подлецом Стасом и его дружком-педиком.

Она ненавидела их. Один сломал ей жизнь – посадил на иглу, заставил исполнять стриптиз. Другой собирается окончательно втоптать ее в грязь.

Порнуха! Он хочет, чтобы ее трахали для зрителя. Да последняя проститутка по сравнению с ней будет выглядеть образцом благочестия.

Но куда деваться?.. А некуда! Придется терпеть.

К вечеру последнего октябрьского дня она уже была в доме своего нового хозяина.

Артур встретил ее, как господин встречает новую рабыню. Он не видел в ней человека, видел только новое приобретение.

Она его ненавидела!

И все же безропотно прошла с ним в его комнату.

Артур жил в двухэтажном особняке, неприглядном снаружи и богато обставленном внутри. Роскошь, изобилие – неизменные атрибуты благополучия таких людей, как он.

Его жена, несчастное существо без права голоса, терпеливо сносила измены мужа, даже если он делал это у нее на глазах.

Так было и сейчас. Хорошо еще, он привел в дом не мужика, а девушку, да еще писаной красоты.

– Раздевайся, – по-хозяйски спокойным голосом велел Насте Артур, когда она оказалась в его просторной спальне.

– Еще чего, – она упрямо замотала головой. – Сначала ширнуться...

А вдруг у него нет наркотика?

– Возьми пока это.

Артур достал из ящика стола бумажный пакетик и протянул ей. Настя с жадностью схватила подачку, развернула, бережно взяла на пальцы белоснежный порошок и с упоением вдохнула в себя. Кокаин высшего качества!

Такого она не пробовала даже у Стаса.

Настя сразу почувствовала облегчение. В голове прояснилось, тело сделалось легким, воздушным. Ах, это волнующее состояние вечной эйфории!.. Как все-таки прекрасна жизнь!

Только кайф этот ненадолго. Нужно потом добавить, уколиться. Она посмотрела на своего нового хозяина другими глазами. А он ничего. И не такой уж толстый. Просто живот некуда девать. Выпирает. Ну, так это солидно. И совсем он не урод, даже симпатичный. И, видно, не жадный. Он всегда будет щедрым, не лишит ее радости жизни... Как в это хочется верить.

– Раздевайся! – Его голос донесся откуда-то издалека.

Раздеться? Раз надо, значит, надо. Посмотрим, как он реагирует на женщину, на голую женщину!

Настя послушно скинула одежду. Глаза Артура запылали огнем.

– Ты уже знаешь, чем ты будешь заниматься? – задыхаясь от подступившего к горлу желания, спросил он. Его взгляд жадно гладил ее белоснежную кожу.

– Знаю.

– Ты когда-нибудь спала с мужчинами?

– Было дело...

– И много их у тебя было?

– Двое, – созналась она.

– Этого мало, чтобы научиться искусству любви. А это искусство тебе понадобится. Ведь ты хочешь стать кинозвездой?

– Ой, не смешите меня, дядечка! – Она прыснула от смеха.

Ей хотелось сейчас веселиться. Ей было хорошо. Да здравствует кокаин!

– Короче, крошка моя, твоим учителем буду я!

Он подошел к ней, положил руки на плечи и стал пригибать книзу. Настя послушно встала на колени...

«А он даст мне после этого уколиться?» Она думала только об этом.

* * *

...Настя занималась любовным блудом с троими. Это не доставляло ей удовольствия. Но и не вызывало отвращения. Рабыня наркотика, вечно под кайфом, она все реже ощущала себя человеком.

– Быстрее, быстрее! – торопил «актеров» Артур.

Он сам и за оператора, и за режиссера. С видеокамерой в руках он бабочкой порхал вокруг обширного ложа.

– Стоп! – как гром среди ясного неба раздался громкий незнакомый голос. – Съемки закончены! Дубля не будет!

Не слезая с нижнего партнера, Настя обернулась на этот страшный голос.

В комнату входили люди в милицейской форме.

Ее сердце тоскливо сжалось.

А как же героин? Ведь ей необходимо уколиться.

Ни стыда, ни раскаяния она не чувствовала. Не думала и об ответственности. Она боялась лишь одного – лишиться наркоты.

4

Настя никогда еще не испытывала «ломки» во всех ее проявлениях. Бывало, она чувствовала ее приближение. Но через какое-то время она всегда получала дозу. Боль проходила. Жизнь возвращалась.

Но сегодня дать ей дозу некому. Уколиться или нюхнуть. Да и ароматным гашишем затянуться неплохо бы... Но ничего этого нет. И не будет!

В разговоре с ней следователь пытался сначала взывать к ее совести, к разуму, спрашивал, как она докатилась до жизни такой.

Но что она могла ему ответить?

Ее трясло, лихорадило. Тело скручивала боль. Хотелось лезть на стенку.

Язык не слушался. Она протянула ему свои руки. На них ведь живого места нет от уколов. Неужели он не понимает, как ей тяжело?

Он все понимал.

Да, перед ним наркоманка, притом конченная. Ради наркотика она готова на все. Подумаешь, съемки в порнухе! Да для нее это счастье. Ведь за это ей платили героином.

– Сволочи! – тихо выругался следователь. – Какую девчонку загубили!

Настя все еще оставалась красивой. Хотя пристрастие к такому страшному наркотику, как героин, уже давало о себе знать.

Она лишилась своей совсем недавней девичьей свежести.

– Дай... Дай... Закурить дай! – потребовала она.

Тело скрючено от боли, взгляд затуманен страданием. Как трудно дались ей эти слова!

– Да, да, конечно...

Он бросил перед ней пачку «Примы». Настя с жадностью набросилась на нее. Руки трясутся – даже сигарету не может достать.

Следователь проявил участие. Сам достал, прикурил и подал ей сигарету.

Но что для нее табачный дым? Пустяк! Никакого облегчения... Но она курила жадно. Одну сигарету за другой. И следователь не запрещал.

– Достань кольнутья... Достань, умоляю!.. Я все для тебя сделаю!

Ее взгляд на миг озарился надеждой. Рука сама потянулась к пуговицам на шелковой блузке, начала их расстегивать.

– Не надо! – остановил ее он.

В его глазах нет осуждения, только жалость.

– Тебе не наркотик нужен, а принудительное лечение.

Он искренне хотел вернуть ее к жизни. И сделал все, чтобы не привлекать к ответственности.

Но Насте от этого не было легче.

* * *

... Жизнь превратилась в кромешный ад.

В адских муках она корчилась на железной койке с продавленным матрасом. Ремни стягивают ей руки и грудь, не дают вырваться.

Если бы не привязь, она давно бы наложила на себя руки. Могла бы, например, подойти к грубо оштукатуренной стене и со всей силы биться об нее головой...

Жить не хотелось. Что за жизнь без наркотика? Ну хотя бы травкой затянуться... Но ничего нет.

Ее лишили всего. Даже есть не давали. Только пить. Много пить. Пить, пить и пить! И она пила. Пила так, будто в этой воде с привкусом ржавчины растворен героин.

И странно, боль пусть на какие-то жалкие мгновения, но все же отступала.

Прошел месяц.

Он показался ей вечностью. Вечностью в преисподней. Она отоцала, кожа да кости, лицо потемнело, спина согнулась. Всклокоченные волосы давно не мыты. Будто с того света вернулась.

Ей было плохо, постоянно тошнило, по-прежнему не хотелось жить. Но тяга к наркотику поубавилась. «Ломка» прошла. Апатия же осталась. Все на свете стало ей безразлично.

В глазах пустота, ни проблеска жизни. Лечащий врач, наверное, считает ее сумасшедшей.

Но жизнь продолжается. Она берет свое. Мало-помалу Настя стала возвращаться из своего небытия. Ее уже не тянуло к наркотикам. Но любое упоминание о них, тем более прикосновение к ним, могло снова вызвать былую жажду.

Поэтому о полном выздоровлении говорить еще рано.

Но к людям ее вернули. Пусть и к таким же бывшим наркоманам, но все же к людям. И пусть в их среде властвуют жестокие, порой дикие законы, но это жизнь.

И вот настало утро, когда Настя встала свеженькая как огурчик. Она будто пробудилась от кошмара, на целый год вырвавшего ее из жизни, ввергнувшего в пучину тяжкого порока. Но все теперь в прошлом, она возвращается в мир.

«С возвращением в жизнь, Настя!»

И пусть она не чиста телом, но никогда больше не возвратится в мир порока. И никогда не прикоснется к наркотику.

«Гори он синим пламенем... Пусть все останется в прошлом, Настя!»

Жаль, что ей не быть уже никогда той, прежней наивной девочкой, романтичной, неискушенной. Но ее душа жаждет очищения.

Она будет сильной и духом, и телом. Научится отличать добро от зла. Будет сильной. Круто изменит свою жизнь. В этом ей поможет память о прошлом. О чистом, безоблачном прошлом. И только этот последний год она навсегда вычеркнет из памяти. Будто его и не было... Но ее прошлое, недоброе прошлое, не хотело уходить просто так.

* * *

Однажды – курс лечения уже подходил к концу – ее вызвали к следователю.

И она сразу поняла зачем. Она же убийца! Она убила своего отчима! Вот оно, возмездие! Она уже совершеннолетняя. Значит, получит на полную катушку.

Перед глазами замаячила стена из колючей проволоки...

Зона – это вам не воспитательное учреждение для оступившихся девочек. Зона – это страшное место...

А вдруг ее приговорят к высшей мере? Ведь как-никак отчим-то ее мент.

До чего же она ненавидит этих ментов!..

Следователь оказался тем самым приятным молодым человеком, отправившим ее на принудительное лечение.

Тридцатилетний капитан. Симпатичный. Светлый взгляд. Улыбчив. Такие обычно пользуются успехом у женщин.

Но тогда, год назад, Настя его не разглядела. Зато сделала это сейчас. Хоть и на душе скребли кошки, и ее мутило от страха.

– Закуривайте, Настя!

Он предупредительно положил перед ней пачку сигарет. На этот раз не «Приму», а американскую «Магну».

– Не курю, – отказалась она.

– Ну и молодец! – искренне похвалил он. – А теперь к делу... Вы, наверное, знаете, зачем я к вам приехал?

– Нет, – похолодела она.

– Из-за вашего отчима...

Ее могли вызвать к следователю по делу о порнобизнесе, на это она и надеялась. Но надежда лопнула как мыльный пузырь.

Насте стало очень страшно.

– Я должна была его убить, – будто это кто-то другой говорил за нее чужим голосом.

– Убить? – удивился капитан. – А ну-ка, Настя, выкладывайте все начистоту.

И ее как прорвало.

Она заплакала, и вместе со слезами из нее потоком полилась правда о прошлой жизни.

Она рассказала, как отчим надругался над ней. Повела, отчего умерла мама. Вот почему она подняла на него руку. И заодно выложила историю своей тепломорской жизни. Об этих подонках Стасе и Артуре.

– Я ненавижу их всех! Что они со мной сделали!.. – всхлипнула она, завершая свою исповедь.

– Да-а, дела... – протянул капитан. – Знаешь, на твоём месте любой, наверное, поступил бы точно так же. Ну и тварь же он, этот твой отчим. Я, кажется, сам его убил бы.

– Убил бы... – эхом отозвалась Настя. И тут же ее глаза стали огромными от внезапной догадки. – А что, разве я его не убила?

– Не убила... Живой он... Если, конечно, еще жив... Видно, дрогнула твоя рука, нож только скользнул по ребру. Ну, да ты не расстраивайся, – усмехнулся он. – Из-за такого дерьма еще и срок схлопотать...

– Так что, меня ни в чем не обвиняют?

– Ни в чем... Разве что только в сокрытии фактов...

– Каких фактов?

– А вот таких... Видишь ли, в чем дело. Год назад я начал наводить о вас справки, связался с вашим отчимом, Александром Макаровичем... Кстати, он тогда уже не работал в милиции. За пьянку выгнали... Сейчас он под следствием. Изнасиловал малолетнюю. Срок, скажу я вам, светит ему солидный. Зоны, это точно, ему не миновать. А там ему жизнь медом не покажется. Насильник как-никак. Вернется не Александром Макаровичем, а Сашенькой, «петухом»... Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю, – скованно улыбнулась Настя.

Чего только она теперь не знала об этой жизни!

– А ведь я догадывался, Настя, что с пути тебя сбил именно Костоглодов Александр Макарович. – Капитан окончательно перешел на «ты». Доверительный тон, душевный, теплый. – А от тебя я хотел получить лишь подтверждение. И получил... Знаешь, Настя, хорошо, что ты сейчас мне все рассказала. Ведь я как узнал, что ты снималась в этой... ну ты поняла меня... так и захотел основательно тебя наказать. Но теперь мне жаль тебя. Я попробовал мысленно влезть в твою шкуру. И, кажется, понял тебя... Ты просто заблудшая овца... А этих подонков, Стаса и Артура, мы наказали. Врезали по полной.

– И Стаса, значит, достали...

И поделом ему...

– Достали. Они ведь работали вместе. Следствие ухватилось за эту ниточку, и такой клубок размотали... В общем, каждый отхватил по шесть лет. Уже отбывают срок... Кстати, я не стал привлекать тебя в качестве свидетеля.

– Почему? – тихо спросила Настя.

– Не хотел снова погружать тебя в прошлое. – Он отвел взгляд. – И вообще, хватит с тебя этой грязи. Пора начинать новую жизнь.

– А я уже начала.

Он заглянул ей в глаза и понял – она не врет.

– Успехов тебе, Настя... Да, и вот еще что, я занимался делом о порнофильмах. И не поленился проследить путь каждой видеокассеты. Все они, все до единой, у меня в руках. Вернее, были. И я их уничтожил. Так что тебе нечего бояться шантажа. Знаешь, наверное, сколько у нас любителей погреть руки на чужой беде.

Он мог бы этого и не говорить. Она и сама это хорошо знала.

– Знаешь, если бы не ты, Настя, я бы, наверное, не стал вести поиск кассет.

Следователь посмотрел на нее как-то многозначительно. Да, были в нем и участие, и отцовская забота. Но и что-то другое. Неужели он влюбился в нее?

* * *

А через месяц, когда Настю с аттестатом о среднем образовании выпустили на все четыре стороны, он поджидал ее у ворот учреждения.

В его руках ярко пылал букет цветов. Он был в форме. На погонах, отражая солнечный свет, лежали майорские звезды.

Он с восхищением смотрел на нее и застенчиво улыбался. Настя так ослепительно красива. Красива прежней девичьей, возвратившейся к ней красотой. И он откровенно любовался ею.

Для нее он уже не товарищ капитан, вернее, майор. Для нее он просто Вадим, Вадик...

– Добро пожаловать в мир солнца! – широко улыбнулся он. – С возвращением!

– Спасибо! – Она так и светилась от радости.

А он в самом деле красивый. И может быть, пришел сюда только ради нее...

– Как собираешься жить дальше? – Не знаю... Я еще об этом не думала.

– Пока, может быть, поедешь со мной? – вдруг предложил он.

– Куда?

– Меня переводят в Москву. На повышение. Снимем квартиру...

– И кем я при тебе буду? Любовницей?

Щеки Насти порозовели.

– Нет, женой... Если, конечно, согласишься. – Он покраснел. – Я прошу тебя стать моей женой!

– А как же мое прошлое? – Ее голос задрожал – так она разволновалась.

Он отрицательно покачал головой.

Нет, его не смущало прошлое Насти. Как не простить человека, оступившегося в жизни случайно? Особенно если ты этого человека любишь.

Она согласилась выйти за него замуж. Но не любила его той страстной, всепоглощающей любовью, какой должна любить женщина в идеале. Но она будет преданной ему и без такой любви...

– Только знай, я в этой жизни не одна, – сказала она. – У меня есть брат, младший. И ты сможешь мне его найти.

В последнее время мысль о Денисе неотступно преследовала ее.

Глава 5

Денис. 1989—1992 годы

1

Сердце Дениса радостно екнуло, когда он увидел свою фамилию в списках поступивших. Он с успехом выдержал вступительные экзамены в техникум радиоэлектроники.

Радиоэлектроника – его призвание. Наконец-то он сможет заняться ею всерьез.

Как же труден был путь к осуществлению этой мечты! Ведь после детского дома путь, как правило, был один – в ПТУ, а в данном случае – учиться на тракториста. Трактористом же он становиться не хотел.

Но парню удалось избежать обязательности...

Агнесса Савельевна соблазнила Дениса.

Видно, она не может жить без мужской ласки. А этой ласки никто не хочет ей дать. Тут уж волчицей взвоешь... В общем, он понимал ее и никогда не осуждал.

Время от времени он наносил ей тайные визиты. И нисколько не жалел об этом. Она научила его такому, чего некоторые и знать не ведают до самого смертного часа.

Но все когда-нибудь кончается. Закончились и амурные истории с директрисой. Денис закончил восьмилетку при детдоме. Пора отправляться на учебу дальше.

«Но я не хочу в ПТУ!» – возмущался он.

В последний год он всерьез занялся радиоэлектроникой. Умудрялся доставать технические журналы, пытался что-то конструировать. Вроде бы получалось.

– Есть выход, – поняла его Агнесса Савельевна. – Ты просто убежишь из детдома. Искать тебя никто не будет, это я обещаю. И документы тебе отдам.

И вот с метрикой и свидетельством об образовании Денис приезжает в далекий Ленинград, поступать в техникум.

Все складывалось как нельзя лучше. Его приняли на учебу, дали место в общежитии. И никаких вопросов насчет детдома. Обещали стипендию.

Живи не тужи, учись на здоровье. И он дал себе зарок всерьез овладевать наукой, не валять дурака на занятиях.

Общежитие ему понравилось. Шестиэтажное здание, светлые просторные комнаты, новая мебель, по четыре человека в комнате. Никакого сравнения с унылой обстановкой детдомовского «сарая».

А Ленинград не город, а сказка! Сел на троллейбус, поехал куда хочешь. Еще можно путешествовать на метро. Какой восторг – прокатиться в грохочущем подземном поезде!

В свои пятнадцать лет Денис выглядел уже вполне сформировавшимся молодым человеком. Высокий, плечистый, красивый. И не наивный. Он уже многое знает об этой жизни. И взгляд его говорит о мудрости и уверенности в себе и еще об умении постоять за себя.

Все три его соседа по комнате, не сговариваясь, признали его право на лидерство. Только он ни к какому лидерству и не стремился. Его нисколько не тянуло к власти над людьми. Он стремился к власти только над самим собой, к собственному совершенству.

С первого сентября, как водится, начались занятия.

К этому дню Денис исчерпал все свои сбережения – сто рублей, подаренные ему Агнессой Савельевной. А вопрос о стипендии все еще висел в воздухе. Нужно позаботиться о своем кармане.

Впрочем, ему много не надо. Только на хлеб насущный.

Проблему с деньгами он решил довольно скоро.

В начале сентября студентов отправили в колхоз, на уборку картофеля, на три недели. Место, куда их определили на постой, дощатый сухой барак в колхозной усадьбе, находилось километрах в трех от небольшого поселка городского типа.

– Хочешь подработать? – в первый же день спросил у него Филимон Каладов.

Коренастый крепыш, хитроватый. Из иногородних.

– А что, есть способ?

– Есть... Видишь поселок? – Филимон смотрел на серые очертания городских зданий вдали. – А вон там поле, картошка, – указал он пальцем в другую сторону.

– И?..

– Что «и»? Картошка стоит денег. А деньги есть у людей вон в тех домах. А еще у людей есть потребность в этой самой картошечке. Находим нужного человека, доставляем ему товар, удовлетворяем его потребность. И, конечно, получаем за это деньги. Улавливаешь?

– Тяжело будет. Картошка, она ведь не легкая.

– А ты чего хотел! Деньги даром не достаются.

Весь вид Филимона выражал твердую решимость заработать эти деньги.

Денис же о себе подобного сказать не мог. Но деньги уж очень нужны...

– Считай, что мы договорились.

Вечером после работы один, без Дениса, Филимон отправился в поселок. Искать покупателя.

– Проследи, чтобы меня не хватились, – уходя, сказал он.

Возвратился он ночью, разыскал своего компаньона.

– Все в порядке, – шепнул он. – Двинулись!

И они вдвоем отправились на колхозное поле, где в укромном месте уже были припрятаны два мешка картошки. Тащить, конечно, пришлось на собственном горбу.

Денис устал как галерный раб. Сорок килограммов на три с лишним километра – это вам не «халам-балам». Но он донес. И получил за это пятерку. Не много, но и не мало. А также понял, как нелегко достаются деньги.

За три недели он заработал целых сто рублей. Он воровал, но почему-то не чувствовал за собой вины. Подумаешь, этой картошки вон целое поле. И все равно треть урожая сгниет в земле...

* * *

Занятия в техникуме возобновились. Денис взялся за учебу всерьез.

Программа не казалась трудной. Он легко с ней справлялся. Поэтому у него оставалась уйма свободного времени.

Денис записался в радиотехнический кружок, где на практике продолжал постигать великие тайны конструирования радиоэлектронных систем. Пока еще элементарных. И при этом еще полтора-два часа перед сном оставались свободными.

– Чепухой ты занялся, друг мой, – как-то сказал ему Филимон. – Давай присоединяйся ко мне.

Сам он всерьез занялся фарцой. Заработал в колхозе двести рублей. И тут же пустил эти деньги в оборот.

Сначала купил фирменные туфли – простоял в очереди за ними все воскресенье. Затем выгодно перепродал. Снова что-то купил – перепродал. Прибыль росла.

Он легко сходилась с людьми, мог уговорить на покупку, наверное, даже мертвого. Торгаш от природы.

– Нет, это не по мне, – немного подумав, ответил Денис.

Он в отличие от своего приятеля не был расположен к коммерции.

Пусть ею занимаются те, у кого есть такие наклонности. У него явно их нет.

– Ну как знаешь... Но будет трудно, присоединяйся. Ты мне нравишься.

Однажды у входа в общежитие Денис наткнулся на плакат-объявление. Мастер спорта по боксу набирает группу для вечерних занятий в боксерской секции. Место занятий: пустующий зал на первом этаже общежития... И ходить далеко не надо.

Бокс – занятие для сильных и стойких. Отличная возможность закалить характер. А Денис так стремился к самосовершенству. Поэтому он с радостью принял приглашение пока еще неведомого ему тренера.

Драться он умел. В детдоме научили. И не только ребята, отчаянные в драке. Многое взял от учителя физкультуры, спившегося человека.

– У вас тяжелая жизнь, ребята, – как-то раз сказал он им, мальчишкам. И зачем-то посмотрел по сторонам. – По сравнению с теми, у кого есть родители. Над вами будут смеяться, унижать вас, бить. Так будьте к этому готовы. Прежде всего вам нужно научиться давать отпор вашим обидчикам. Уметь постоять за себя – это, скажу я вам, очень много значит... Кое-что я умею. И, если желаете, могу с вами поделиться...

А драться уметь хотели все без исключения.

Вечерами, в спортзале – если, конечно, он не напивался – Георгий Максимович обучал ребят рукопашному бою.

– В бою главное – это победа. Победа любой ценой, – учил добровольный тренер. – В любой драке перед вами враг, только враг. И жалеть его нельзя. Можете ударить его кулаком, можете ногой. Хотите, откусите ему нос. Запомните, вам нужна только победа. О благородстве в бою не может быть и речи.

Денис удивлялся, как в нем уживаются душевная мягкость и холодная жестокость.

Георгий Максимович показывал, как двумя ударами вырубить противника. Открывал уязвимые места на теле человека... Вот куда нужно бить в первую очередь!.. Хладнокровно наблюдал за тем, как его подопечные избивают друг друга. Не трогали его ни кровь, ни распухшие губы, ни разбитые носы. Конечно, многие удары в учебном бою он применять запрещал, но крови от этого становилось не меньше. Сила, смелость и жестокость – только так, по его мнению, можно достичь победы.

После нескольких таких сумасшедших занятий у Дениса появилась неприязнь к этому садисту, как называл он его про себя. Но брать у него уроки не перестал.

Месяца через три Георгия Максимовича уволили. Проведала-таки директриса, чему он учит ребят. Да и постоянно нетрезвый вид учителя давно действовал ей на нервы.

– Простите меня, если что не так, – виновато сказал он, уходя. – Я вам только добра хотел.

Но с его уходом подпольные занятия не прекратились. Мальчишки продолжали взаимные избиения, не жалели ни себя, ни других.

«Добра... Георгий Максимович хотел нам добра!» – усмехался в душе Денис, когда ему в очередной раз сплющивали нос.

Но, оказалось, физкультурник и в самом деле хотел ему добра, если с этим понятием совместить такое понятие, как жизнь.

Это он почувствовал на собственной шкуре.

В городке, где находилось его тогдашнее пристанище, детдомовских и за людей-то не считали. Каждый из местных пацанов считал за честь оскорбить, унижить кого-нибудь из них. Могли даже убить. Один такой случай был. Виновных не нашли.

Однажды Денис тайком отправился в город, чтобы купить свежий номер «Юного техника». Возвращался через стройку. Так было ближе.

Здесь его и подкараулили три местных подростка. В руке один из них сжимал охотничий нож.

– Эй, сюда, быдло детдомовское! – крикнул самый старший из них, парень лет семнадцати.

Но подошел к Денису сам.

– Получи!

И замахнулся, чтобы ударить.

Денис чуть пригнулся, спружинил на ногах. Кулак прошел над головой. Ответ последовал немедленно.

Кулаком в солнечное сплетение он согнул противника в три погибели. Затем с силой ударил ногой в пах. Тот взвыл от боли, повалился на битые кирпичи.

На Дениса набросился второй. Два раза съездил его кулаком по подбородку. Но Денис выдержал удар. И ответно ударил ногой ниже пояса. Затем последовал удар в горло, по адамову яблоку. Пацан сначала заорал, потом захрипел... Этот уже не страшен.

Опасность в себе таил третий.

Он ударил исподтишка, со спины, ножом. Но каким-то седьмым чувством Денис уловил смертельную опасность. Он увернулся от удара, да не совсем удачно. Лезвие ножа все же прошло по спине, вспороло кожу. Больно, конечно, но не смертельно...

Жало ножа порхало перед его носом, но достать не могло. Денис ловко уворачивался. Но и сам достать врага не мог. Не умел, не знал, как выбить нож.

А тем временем к нападавшему присоединились его друзья, уже оправившиеся от поражения и жаждущие реванша.

И тут Денис увидел неподалеку кусок арматуры. Как будто кто нарочно подложил. Он схватил его и ударил по руке, державшей нож. Оружие упало на землю.

Вслед за этим железяка ударила врага по голове. Тот упал, обливаясь кровью. Остальные струсили и дали деру.

А ведь неизвестно, как все бы повернулось, не найди Денис в себе решимости ударить врага по голове. Но он ударил и победил.

* * *

Занятия в секции бокса, куда записался Денис, нельзя сравнить с тренингами Георгия Максимовича. Здесь делу обучал профессионал с долгосрочной методикой.

Он прививал своим воспитанникам благородный дух соперничества, мораль честного поединка. Но выжимал из них при этом все соки.

Игорь Аркадьевич сгонял с молодцов во время занятий по семь потов. Бег, подтягивание, отжимание, тяжести занимали большую часть времени. И только после этого разрешалось надеть перчатки.

Денис показал себя способным учеником. Он не упускал ни слова из уст тренера, все запоминал, брал на вооружение. Сильный, резкий, быстрый на реакцию, он делал успехи.

Если кого-то не удавалось взять умением, тогда он подключал к делу спортивную злость. В бою ему нужна только победа. И он побеждал. Даже если бился с заведомо более сильным противником.

Через год он стал бронзовым призером первенства города. Еще через год получил чемпионский титул. Игорь Аркадьевич гордился своим питомцем. Он уже давно взялся за него всерьез. Прочил ему большое будущее – победу на чемпионате России, а там, глядишь, и Европы.

Но бокс был не единственным спортивным увлечением Дениса.

Он пристрастился еще и к спортивной стрельбе. Попадание в «десятку» доставляло ему удовольствие, ни с чем не сравнимое... Он делал успехи и здесь. Твердая рука, собранность, острый глаз – все это помогло ему достичь определенных высот. Через два года он взял «серебро» на первенстве России.

Однако спорт не заслонил собой его самое серьезное увлечение. Преподаватели не уставали удивляться широте его познаний в области радиоэлектроники. Да и руки у него золотые, им по силам сложные радиоэлектронные схемы.

2

Денис успевал во всем. И только на одном фронте затишье – на любовном.

Он как будто совсем не интересуется девчонками. А ведь у них в группе их хватало. Были и красивые.

Нет, он не лишен здоровой тяги к противоположному полу. Просто ему не встретилась еще та, в которую он мог влюбиться.

Зато девчата сходили по нему с ума. Но на записки с просьбами о свидании он обычно никак не реагировал.

И все-таки он наконец попался. Нашлась-таки красавица, вскружившая ему голову.

Случилось это на третьем курсе, в начале весны. Денису недавно стукнуло восемнадцать. Самое время задуматься о службе в армии. А к этому он уже готов. Все-таки он стал чемпионом России по боксу в полутяжелом весе и бронзовым призером первенства стран СНГ по спортивной стрельбе. Он возмужал, стал еще красивее.

Неподалеку от техникума находилась средняя школа. Из окон учебного корпуса хорошо просматривалась улица, по которой на занятия ходили школьники.

И вот однажды он увидел девушку ослепительной красоты.

Школьница, наверняка старшекласница. Короткое кожаное пальто, изящные полуботиночки. Шапочку заменяют светлые длинные волосы. Натуральная блондинка. А лицо! Не каждая девушка с обложки крутых забугорных журналов сравнится с ней по красоте. А какие ножки! Просто чудо!

Словом, Денис влюбился в нее с первого взгляда.

Он никогда не испытывал неловкости в обращении с девушками. Не стеснялся, не робел. А тут будто его сглазили. Все не мог подойти к прелестной незнакомке, терялся, робел. Однажды он все же набрался решимости...

Пошел ей навстречу с вежливой, чуть развязной улыбочкой, собираясь сказать заранее обдуманные слова. Но... прошел мимо, даже не замедлил шаг.

Дьявол!.. Только сейчас он понял, какой составляет с ней контраст. Как хорошо одета она и как убого – он.

Он плохо разбирался в женской моде, вернее, не разбирался в ней вообще. Но знал: одежда у нее высший класс. И косметика явно не совдеповская, и духи. И держится как аристократка, незнакомая с бедностью.

А он?.. Черные шерстяные брюки двухлетней «выпечки», выдавшая виды болоньевая куртка, дешевые поношенные ботинки, нелепая шерстяная шапочка... Да, в таком виде даже пройти мимо нее стыдно. Какое уж тут знакомство!

Но знакомиться он все равно будет, потому что не простит себе, если эта красавица достанется не ему. Надо что-то придумать...

– Филимон, есть разговор. – Денис подошел к своему давнему приятелю. – Серьезный.

На стоянке перед техникумом среди прочих машин стояла иномарка. Не последней модели, не новая, но еще хоть куда.

– «Бээмвуха». Классная, поверь, тачка. И представь себе – моя. Сечешь?

Лицо Филимона растянулось в самодовольной улыбке.

– Круто, – кивнул Денис.

– Уметь надо!

Они приехали в какой-то бар. Приятный полумрак, за стойкой священнодействует бармен, музыка, уют, комфорт.

– Присядем. – Филимон показал на пустующий столик в углу зала.

Он чувствовал себя здесь как дома.

– По чуть-чуть? – предложил приятель.

– Ну, если по чуть-чуть...

Денис не считал себя ярым сторонником трезвого образа жизни. Иногда выпивал. Но не курил.

– Давай, вываливай свои проблемы, – изрек Филимон, когда на столике удобно устроилась бутылочка дорогого вина. – Я тебя внимательно слушаю.

– Мне нужны деньги, – без предисловий, с достоинством чемпиона сообщил Денис.

– Теперь я вижу, наш космонавт наконец-то спустился на землю. На какой-нибудь другой планете, конечно, бабки не нужны... Ты уж извини меня, друг, но жить так, как ты живешь, просто нельзя.

– А как я живу? – насторожился Денис.

– А так, что эта самая жизнь проходит мимо тебя... Ты только глянь, что вокруг-то творится! Дикий капитализм! Сейчас те, у кого башка на плечах, делают деньги. Только крутиться успевай, и тогда все о'кей! А когда-нибудь эти времена «Клондайка» пройдут, поверь мне. Кто успеет нахапать, тот будет потом получать кайф от жизни на все сто. Впрочем, я, например, и сейчас от нее торчу... Короче, что ты надумал? Зачем тебе бабки?

– Приодеться надо. Да и на карман...

– Давно пора, а то ходишь как чучело. Смотреть стыдно. Удивительно, как это на тебя еще девки смотрят! А ведь смотрят! – Глаза Филимона игриво заблестели. – Кстати, одна тут мне нашептала, что твое окно медом намазали. Ты просто прилип к нему. Говорит, на одну телку засматриваешься... Слушай, а ты не из-за нее за ум взялся?

– Не знаю, о ком ты... Но вообще да, из-за девушки...

– Значит, из-за нее... А знаешь, кто она, эта телка?... Пардон, «телка» здесь не к месту... Знаешь, кто эта девчонка?

– Не знаю.

– А я, братан, знаю... И лучше бы ты держался от нее подальше.

– Это еще почему?

– А потому, что за нее задницу тебе могут вывернуть наизнанку.

– Кто?

– Да папаша ее. Крутой мужик. Мафиози! С такими, как я, и близко не сядет... Про тебя и вообще разговора нет... Короче, будь всегда на стреме. Если что не так, тут же уноси свои ноги.

– Ну, застрашал... – усмехнулся Денис.

Он никого не боялся.

– Ты не из пугливых, я знаю...

– Так чем же занимается ее отец?

– Я уже сказал – мафиози, бригаду держит. Звери, а не люди... Не вор в законе, конечно, но в ба-а-льшом авторитете. А за дочку кому угодно яйца-то повыдергает... Короче, я тебя предупредил... Да, спроси еще, откуда я о ней знаю.

– Спрашиваю...

– Есть тут одно местечко. – Филимон испытующе посмотрел на него. – Слышал когда-нибудь о боях за деньги? Боксеры, каратисты, самбисты, дзюдоисты... Неважно, кто ты, – важно завалить соперника. Бьются по-настоящему, без всяких правил. Бывает, и до смерти забивают...

– Бои без правил... Да, слышал о таких.

– Так вот там я Лизавету-то и видел. Приезжает с батей потарашиться на зрелище. Интересно... Кстати, видел бы ты, какими глазами она смотрит на бойцов, особенно на победителей... Даже мне захотелось быть на их месте. А ты не хочешь попробовать? Мо-жет, победишь? А не выйдет, все одно без денег не останешься. И за поражение платят. Правда, меньше... Ну, как ты, решил?

– Ты же сам говоришь, что там и убить могут. А зачем мертвому деньги?

Филимон снисходительно похлопал его по плечу.

– Да ну, глупости все это... Ведь убивают далеко не каждого. Рискни! А я рекламку тебе состряпаю... Или тебе бабки не нужны?

– Нужны...

«И Лиза нужна!»

* * *

– Как бы на бабки не попасть, – прохрипел озабоченно мужчина лет сорока с массивной золотой цепью на шее.

Его маленькие, глубоко посаженные глаза с беспокойством разглядывали вышедшего на арену бойца.

Мощный торс, рельефная мускулатура, стальной блеск во взгляде. Красавец! Такие просто так не сдаются.

– Да это он только на вид такой, – успокоил его невысокого роста собеседник. Тот явно заискивал. – А так он любитель, плевали мы на таких... Чемпион России, подумаешь, птица... Ну что он умеет? Красиво прыгать, театрально молотить кулаками в перчатках. Джентльмены ринга, видали мы таких... Ну нет у них той злости, нет... Бои без правил – это не для них, не для любителей. Тут дикарем нужно быть, зверем. Может, из него когда и выйдет толк, но не с первого раза, это точно!.. Это только дураки верят, что он супермен. А дураки на нас и работают...

– Если этот любитель, мать твою, возьмет верх, я попаду на десять штук баксов... Ты его нашел, ты и ответишь. Своим карманом... Но отдашь не десять, а все пятнадцать. Так что смотри...

– Да не выиграет он бой...

– Тогда две штуки твои, как договорились.

– И три сотни ему.

– А уж это, корешок, из твоего кармана.

– Из моего так из моего, – кисло улыбнулся Филимон.

А это был он.

Его брови радостно поползли вверх, когда на арену вышел соперник Дениса.

Ваня Трактор, машина для убийства. На родине, в Тамбове, он не имел себе равных. Валил всех, нередко оставлял после себя трупы. А ростом ведь не великан. И в ширину не удался. Мускулы не так чтобы уж очень выпирают. Но силен, напорист, беспощаден...

Стараниями Филимона он представлен ничтожеством по сравнению с Денисом. Так и думают те, кто делает ставки.

Денис тоже изучал своего соперника.

Да, с виду он вроде неказист. Но впечатление это может быть обманчивым. Нет, он не может позволить себе расслабиться, настраиваться на легкую победу. Недооценка сил противника – страшная, непростительная ошибка, он это знает.

Он готовится к тяжелому бою.

Денис перевел взгляд на трибуны. Где она, Лиза? Девушка, толкнувшая его на безумный поступок. Девушка, о которой он не мог думать без тоски.

Филимон не соврал. Она и в самом деле пришла на зрелище.

Неужели ей нравятся кровавые побоища? А разве кто-нибудь упрекал средневековых дам, появлявшихся на состязаниях рыцарей? Ведь и там не обходилось без крови.

Он станет ее рыцарем. Станет! Кровь из носу... Не исключено, что в самом буквальном смысле.

Он посмотрел на Лизу, поймал ее взгляд. В ее глазах восторг.

Он победит! Победит ради нее...

Денис рывком выдохнул воздух и встал в боевую стойку.

Поединок начался.

Ваня Трактор даже не шелохнулся. Только поднял кулаки на уровень живота. Денис же запрыгал, запорхал вокруг него бабочкой.

Ху, его кулак ткнулся в подбородок сопернику. Мощный удар. Но тот даже не дернулся. Только поморщился. Хоп, снова удар. И снова никакого результата. Противник стоял как вкопанный. Ну, точно трактор!

Денис перевел дух и ударил снова. Вложил в удар всю свою силищу. Но кулак цели не достал.

С неуловимой быстротой Ваня поймал его руку, сжал будто тисками. Стал выворачивать.

Денис чуть не взвыл от дикой боли. И тут же получил удар. Удар страшной силы. Перед глазами все поплыло.

И снова удар. Как будто чугунная труба опустилась ему на голову. Следующий удар достал его на пути к бетонному полу. В глазах помутилось, и он лишился сознания.

Но очнулся быстро. Ваня в это время обходил победный круг с высоко поднятыми руками. Сейчас он подойдет к нему и добьет. Добьет на потеху толпе.

«Сволочи!»

Дениса захлестнула ярость. Ярость первобытного человека. Он вдруг почувствовал, как откуда-то изнутри его распирает сила. Невероятная сила! И она требует выхода. Она рвется наружу с одной лишь целью. Убить! Убить! Убить! Сила зверя-убийцы!

Он даже зарычал по-тигриному. Сейчас он был не властен над собой.

Трактор «подъехал» к нему и впился в него леденящим взглядом убийцы. Такого нельзя щадить!

Рука Трактора потянулась к сидящему на полу юноше, чтобы схватить его за волосы. Но тот увернулся, перекатился через себя и, быстро вскочив на ноги, замер на миг в боевой стойке.

Только сейчас Денис мало походил на боксера. Он больше напоминал неандертальца в столкновении с мамонтом. Ничего человеческого во всем его диком облике! Только первобытный инстинкт! Инстинкт охотника!

Ваня крутанул шеей, зачем-то развел в стороны руки. И тут словно какая-то сила подбросила Дениса вверх. Он подпрыгнул, прижал колени к груди и таранящим ударом послал обе ноги врагу в нижнюю часть живота.

Трактор покачнулся, осел. Будто в нем сломалась задняя ось. Денис выпрыгнул снова. И вновь ударил его в то же самое место.

На этот раз враг упал, грохнулся задницей на пол.

Денис подскочил к нему сзади, обхватил голову руками и вдавил в глазницы ему пальцы.

Из груди поверженного бойца вырвался крик нечеловеческой боли. Этот крик леденил кровь в жилах. Но Денис будто не слышал его. В неистовой злобе он продолжал выдавливать глаза.

И если бы Ваня вовремя не потерял сознание, не обмяк бы в его руках, Денис обязательно добился бы своего. Выдавил бы глаза и, возможно, убил бы.

Он победил! Победил, чтобы жить! Это его победа. Ради себя самого... Ни о какой Лизе он сейчас и не думал...

Очнулся он в раздевалке, где сидел на скамейке в полном одиночестве. Тело колотила мелкая дрожь. Чувствовал себя выжатым и подавленным. Не было сил даже пошевелить рукой.

Бой, победа над смертельно опасным врагом – все это казалось ему сейчас кошмарным сном. И он только что проснулся... Но раздевалка, его вещи, бинты на руках, запах пота... Нет, все это было с ним наяву.

Он победил. Лиза должна им гордиться... Пойдите, а где же деньги? Ведь за победу ему обещаны деньги, тысяча долларов... Где же этот хренов Филимон?

Но его агент, менеджер – так называл себя его приятель, – почему-то не появился.

* * *

– Ну что, дружок, приплыли? – ехидно спросил Самсон.

От этих слов Филимон содрогнулся. Как будто ему врезали под дых.

Это же надо! Денис завалил такого зверя, как Трактор! Невероятно!.. Но факт... Да, не оценил он силу однокашника.

Вот он каков! Дикарь, настоящий дикарь! А все джентльменом прикидывается.

– С тебя пятнадцать штук.

– С собой нет...

Он знал, с Самсоном, мафиозным авторитетом, связываться опасно... И какого хрена он вообще связался с ним?

Да, раза три в паре с этим мафиози ему улыбалась удача. Сорвал куш в двадцать штук, пора бы и честь знать. Ан нет, полез с инициативой. А она-то боком вышла... Что ж, придется отваливать бабки. Иначе труба. Найдут его тело где-нибудь в холодных водах Невы. Даже поплакать будет некому.

– Через час жду здесь. Опоздаешь, возьму все двадцать...

Блин! Надо же так вляпаться...

Делать нечего, вперед за бабками... А как же быть с Денисом?

«Да пошел он... Победитель хренов!»

Филимон снимал квартиру на Невском проспекте. Круто, конечно, да дорого! Но он мог себе это позволить. Бабки в последнее время сами шли ему в руки. Иногда, правда, случались проколы. Как вот сегодня. Да ничего, пятнадцать штук восполнимая потеря. От этого не умирают... Если, конечно, их отдать...

До дома он добрался быстро, всего за двадцать минут. Ночь. Дороги свободны, никаких пробок... Вскрыл тайник. Достал деньги, отсчитал ровно двадцать тысяч. Запас нужен, вдруг опоздает.

И снова в путь.

Когда его «БМВ» затормозила перед входом в здание старого цирка, до назначенного к уплате срока оставалось всего пять минут. Но он успевал.

Филимон вышел из машины и, не запирая ее, бегом помчался к Самсону. Лишь бы только тот не уехал раньше времени.

Но мафиози не уехал, дождался денег. И получил сполна. Хорошо, не взял сверх меры.

Расплатившись, Филимон вернулся к своей машине, завел и, резко набирая скорость, помчался домой. Хорошее настроение снова возвращалось к нему.

«Ну, потерял бабки! Не беда! Заработаем новые!»

И тут кто-то сзади тронул его за плечо.

– Не дергайся. Это я, – услышал он спокойный ровный голос.

Он скорее догадался, чем узнал его. Дениса. Хотя никогда его приятель не говорил таким зловещим голосом. Ничего вроде бы страшного. Но Филимон испугался так, что сердце сжалось, язык будто примерз к небу.

– За победу ты обещал мне штуку баксов. Почему не отдал?

– Я... Я отдам, – выдал из себя Филимон.

Вот-вот ему на горло опустится шелковая удавка. И тогда все, конец.

Его рука сама потянулась к карману, где лежали пятьдесят сотенных купюр. Он хотел отсчитать ровно тысячу, но Денис бесцеремонно отобрал у него все.

– Ты просрочил платежи. Набежали проценты. Так что я беру не одну, а две штуки... Ты, конечно же, не против?

Слова Дениса будто пригвоздили его к сиденью. Филимон трепетал. А ведь ему не бывало так страшно даже с самим Самсоном.

– Нет, не против... А ты... ты не хочешь заработать еще?

«И все-таки такого сильного бойца упускать никак нельзя. С ним можно делать хорошие деньги» – так думал Филимон, находясь в состоянии какого-то нервного озноба.

– Хочу, конечно. И буду драться. Но ты здесь ни при чем. Я нашел себе другого... хм, менеджера. – Денис возвратил ему три тысячи. – Останови тачку!

3

Денис с трудом узнавал сам себя.

Звериная ярость, взбунтовавшая его в бою без правил, прошла. Но в душе осталась какая-то холодная пустота. И этот холод будто заморозил все его эмоции, охладил чувства.

Поменялся взгляд на мир. Все люди стали казаться врагами, тайными и явными. Мир стал похожим на джунгли, где выживает сильнейший. Здесь каждый за себя. Никого нельзя подпускать к себе близко. Каждый может предать.

Нет, он не стал одержим манией врагов. Не безумствовал. Но стал равнодушным ко всему и ко всем. Но только не к самому себе.

Тяга к знаниям не исчезла. Напротив, только усилилась. Чем больше знаешь и умеешь, тем легче выжить. В мире, где человек человеку волк, нужно быть на голову выше остальных, иначе просто погибнешь.

Он не стремился к роскоши, богатству. Но чтобы выжить в «джунглях» города, нужны деньги. И чем больше, тем лучше. Такова простая истина современной жизни.

Взгляд его стал суровым, но не жестким. От черных глаз иной раз веяло холодом. Но когда он видел Лизу, взгляд его оживал, внутри его что-то оттаивало, теплело.

А видел он ее все чаще. И не откуда-нибудь, а с площадки или ринга. С места, где ломались кости и вышибались мозги.

Во время боя его первобытная сила и ярость били через край. Они помогали ему побеждать. Он дрался уже пять раз и всегда брал верх. Его боялись, перед ним трепетали.

Он мог, но никого не убивал. Нет, ему не жаль соперников, для него они враги. А врагов убивают... Но существует закон. За убийство – тюрьма. «Мы тебе поможем избежать ответственности, убивай и ничего не бойся», – это он слышал не раз. Но разве можно этому верить?

Ответ прост – в этом мире верить нельзя никому. Ни-ко-му!

В общей сложности Денис заработал семь с половиной тысяч долларов. И этого более чем достаточно, чтобы не ударить перед Лизой в грязь лицом. Он не будет теперь выглядеть перед ней чучелом!

А если так, зачем гробить себя в жесточайших поединках? Кому это нужно?.. Разве что жадным до кровавых зрелищ толстосумам. Но только не ему. И он ушел с ринга. Ушел, чтобы, когда появится нужда в деньгах, вернуться снова. А может, он никогда больше и не вернется...

Денис приводил себя в порядок. Купил дорогой английский костюм, несколько белых шелковых сорочек, галстук. О спортивных костюмах и кожаных куртках он и думать не хотел.

Косить под рэкетиров ему ни к чему. И нечего попугайничать. Посетил модный салон красоты. Там с помощью компьютера определили, какая прическа подходит ему лучше всего.

И вот настал день, когда он был наконец готов подойти к своей даме сердца. Однако Лиза опередила его, нашла его сама.

В перерыве между занятиями он вышел в вестибюль техникума. И возле одной из мраморных колонн увидел ее.

Она стояла в дорогом платье из черного бархата. А оно так волнующе облегло ее величественную фигуру. Красивые глаза девушки смотрели на него. Она ему улыбалась.

Денис смутился, но ноги сами понесли его к Лизе.

– Я к тебе, – просто, будто они знакомы сто лет, сказала красавица.

Ее глаза были озорными и отчаянными.

– Может, меня с кем-то путают? – почему-то сказал Денис.

– Ты Денис, Золотов. – Лиза ни капли не смутилась. – Тебя разве с кем спутаешь! Уж я-то точно... А мы что, так и будем здесь стоять?

– Стоять здесь, конечно, глупо, – согласился он. – А вот в ресторане, я думаю, нам будет самое место. Если ты, конечно, не против.

Ради нее он запросто мог прогулять занятия.

– Я? Против? Да нет, я только за!

Ресторанчик с цветочным названием «Гладиолус» находился неподалеку от техникума. Цены здесь кусались. Даже днем, когда посетителей раз-два и обчелся. Лучше бы это заведение назвали «Кактусом» – так было бы вернее...

Дениса цены теперь не смущали. Он даже не обратил на них внимания. А пустота в зале только радовала.

– Ну и зачем я тебе понадобился? – спросил он Лизу, когда они удобно устроились за столиком с цветами в хрустальной вазе.

– А мне, Денис, тебя не хватает, – запросто заявила она.

Она что, смущаться не умеет?

– Но мы ведь даже незнакомы.

– Ой, да ладно, все это ерунда – знакомы-незнакомы... Я тебя знаю, и этого достаточно. Видела тебя на ринге. Ты супермен!.. А ведь и ты на меня посматривал... А вдруг я влюбилась в тебя?

Что это, святая простота или отсутствие всяких комплексов? А может, она просто шутит?..

– Неужели влюбилась? – он пытался иронизировать.

– А что, сердце у меня каменное? Я что, не человек? Да мне, между прочим, уже шестнадцать, почти семнадцать!

Она ненамного моложе его, всего на год. А так похожа на избалованного ребенка. И его, видно, воспринимает как любимую игрушку.

– Так ты влюбилась?

– Еще чего!.. Но ты мне нравишься.

«Взбалмошная девчонка!»

– И ты мне тоже.

– А я знаю, – ничуть не удивилась Лиза. – Что я, совсем глупая. Ты так смотрел на меня с ринга, даже папэн что-то заподозрил.

– Кто?

– Папэн... Ну, я так отца называю... А что?

– Да тебе палец в рот не клади... А это правда, что батя у тебя из этих... из крутых?

– Ну, мафиози он, и что тут такого?.. А кто тебе это сказал?

– Да есть тут один...

– Значит, ты интересовался мной.

– Было дело.

Принесли заказ. Икра, устрицы, шампанское. Стандартный набор для аристократа. Денис не скупился. На Лизу же это не произвело никакого впечатления.

Впрочем, это понятно. Она к такой жизни привыкла. Возможно, с самого рождения.

– Вообще, папэн у меня строгий. Даже жуть иногда берет. Есть у нас в школе полудурки, но ко мне даже подойти боятся. Пальцем не тронут... Только не нравится мне все это. – Лиза перешла на откровения. – С мальчиками не дружи. С девочками тоже. Можно только с одной. Ни в гости к кому, ни на дискотеку. В девять вечера быть дома, и только попробуй опоздай!.. Хорошо, папэн на бои меня берет. Сам любитель и меня прирастил... Да, а почему ты больше не дерешься?

– Не хочу.

– А жаль. Без тебя скучно. Лучше тебя никого нет! – Она откровенно восхищалась. – Ты такой... Такой... В общем, ничего не могу с собой поделать. Не удержалась вот, сама к тебе пришла... А может, ты не рад?

– А ты как думаешь?

– Да вроде рад.

– Рад я тебе, очень.

– Попробовал бы ты сказать мне что-нибудь другое! – довольно улыбнулась она и шаловливо погрозила ему пальчиком.

* * *

Для Дениса наступили радостные и счастливые дни. Он был без ума от Лизы. И она как будто любила его. Хотя ни разу больше об этом не обмолвилась.

Встречались они в большой тайне от ее отца. Не приведи господь, узнает, с кем проводит время его ненаглядная дочурка, – скандала уж точно не миновать.

Как истинно влюбленный, Денис не позволял себе вольностей. Дальше поцелуев не продвигался.

А целовалась Лиза пылко, страстно, как зрелая женщина. Хотя и неумело. Денис понял это сразу. Но ей нравилось впиваться в его губы, шалить языком. Поцелуй делал ее мягче воска, доставлял ей неистовое удовольствие и толкал на продолжение любовных утех. Страстная она, чувственная – какие уж тут сомнения...

Сначала они целовались в темных залах кинотеатров. Целовались до одури. Затем пришла пора, когда они сняли до вечера номер в гостинице в другом конце города.

Когда Денис спросил ее, не будет ли она против того, чтобы остаться с ним наедине в четырех стенах, она ответила восторженно: «Нет, не буду!»

– А почему мы целуемся в одежде? – задыхаясь от восторга, спросила она.

Они полулежали на двуспальном ложе.

– Потому что так надо, – ответил Денис, не пуская ее руку к пуговицам на своей рубашке.

– Кому это надо? – Ее было не остановить.

– Мне.

– Ты что, боишься моего отца?

«Ну да, конечно... Что еще она может подумать?»

– Нет... Я боюсь самого себя.

– А почему?

Ей удалось все же расстегнуть несколько пуговиц.

– Я же мужчина. Могу не сдержаться. Сделаю тебе больно. Я должен беречь тебя.

– Для кого?

– А хотя бы для твоего отца. Что будет, если он узнает, что ты уже не девочка?

«На глупый вопрос глупый ответ...»

– А я что, прошу тебя сделать меня женщиной? – не так чтобы уж очень возмутилась Лиза. – Мы просто разденемся. Или ты не хочешь увидеть меня без одежды?

А вот этого как раз Денис очень хотел.

Ее облегающие платья позволяли ему составить представление о великолепии ее тела. Но одно дело представлять, другое – видеть, осязать... Он хотел обладать ею!

Он терял над собой контроль. Его руки потянулись к ее платью и расстегнули «молнию».

Лиза тем временем справилась с его рубашкой.

И вот она лежит перед ним в чем мать родила. Нежная бархатистая кожа, ровный загар, упругие мячики груди, осиная талия, узкие бедра, длинные ноги. А глаза! Ее чудесные глаза. Они манят, втягивают в омут головокружительной страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.